

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Южно-Уральский государственный университет»
(Национальный исследовательский университет)
Юридический институт
Кафедра «Уголовное и уголовно-исполнительное право, криминология»

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ УМЫСЛА

ЮУрГУ – 40.03.01.2016.461.ВКР

Руководитель выпускной
квалификационной работы
Щипанова Надежда Ивановна,
доцент кафедры

_____ 2020г.

Автор выпускной
квалификационной работы
Кожонов Бексултан
Бакытбекович

_____ 2020г.

Нормоконтролер
Кухтина Татьяна Владимировна,
старший преподаватель кафедры

_____ 2020г.

Челябинск 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
Глава 1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА УМЫСЛА	6
1.1. История развития умышленной формы вины в уголовном праве Росси.	6
1.2 Уголовно-правовые аспекты умысла	14
1.3 Психологические аспекты умысла	22
Глава 2. ВИДЫ УМЫСЛА И ИХ ВЛИЯНИЕ НА КВАЛИФИКАЦИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ	30
2.1 Прямой и косвенный умысел: критерии деления и некоторые аспекты квалификации	30
2.2 Влияние прочих видов умысла на квалификацию преступлений	58
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	64
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	67

ВВЕДЕНИЕ

Понимание вины, форм и ее видов в той или иной значимости отражает ее эволюцию пониманий об этом явлении. Так основа психологического отношения, образующего вину, содержит сочетание волевых и интеллектуальных процессов.

Главная проблема умышленных преступлений обусловлена тем, что преступления имеют не только уголовно-правые содержания, но и психологические.

Сложность субъективной реальности умысла мы непосредственно не наблюдаем. Это объясняется в трудности исследования уголовно-правовых и психологических аспектов умысла в теории и в практике.

Актуальность изучения умышленных преступлений обусловлена тем, что «абсолютное большинство преступлений, предусмотренных действующим уголовным законодательством, могут совершаться только с умыслом. Процесс субъективного вменения напрямую зависит от степени охвата сознанием лица, совершившего преступление, признаков состава преступления.

Степень осознанности влияет на индивидуализацию наказания. Признание деяния умышленным влечет множество правовых последствий: отмена условного осуждения, условно досрочного освобождения, установление рецидива, вид исправительного учреждения, отграничение смежных составов преступлений, определение категории преступления и другие» .

В науке уголовного права проблемы вины особо развивалась в советский период. Так вопросы, относящиеся по проблемам вины пристально изучалась и рассматривалась такими учеными как М.С. Гринберг, Н.С. Дагель, Д.Н. Котов, Б.С. Никифоров и др.

Но постоянное и пристальное внимание ученых и практиков к этой проблематике вовсе не означало, что проблемы умысла полностью исчерпаны. Напротив, мы являемся свидетелями наличия сложных и до конца не исследованных проблем вины и связанных с ней институтов.

Объектом данной работы является общественные отношения, складывающиеся в сфере применения уголовно-правовых норм, регламентирующих привлечение к уголовной ответственности за совершение умышленных преступлений.

Предмет – нормы отечественного уголовного законодательства, устанавливающие ответственность за умышленные преступления, материалы судебной практики, в том числе и регионального уровня, а также нормы зарубежного уголовного законодательства, регламентирующие ответственность за совершение умышленных преступлений.

Цель работы – комплексное изучение уголовно-правовых и психологических аспектов умысла, в том числе изучение видов умысла и вопросов квалификации умышленных преступлений.

Задачи работы:

- 1) изучить историю развития умышленной формы вины в уголовном праве России;
- 2) рассмотреть уголовно-правовые аспекты умысла;
- 3) рассмотреть психологические аспекты умысла;
- 4) проанализировать прямой и косвенный умысел, определить критерии деления и некоторые аспекты квалификации;
- 5) определить влияние прочих видов умысла на квалификацию преступлений.

Изложенные в работе выводы, определение ряда актуальных понятий и результаты изучения проблемных вопросов квалификации умышленных преступлений могут быть полезными в деятельности правоохранительных органов по противодействию данным посягательствам. Кроме того, они могут использоваться для дальнейших исследований.

ГЛАВА 1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА УМЫСЛА

1.1. История развития умышленной формы вины в уголовном праве России.

Прежде чем составить представление о каком-либо явлении необходимо рассмотреть историю развития этого явления.

Что касается умысла, то его история неотрывна от истории развития института вины в уголовном праве.

Анализ таких памятников русского права, как Договор Руси с Византией 911 года, Русская Правда позволяет сделать вывод, что субъективное восприятие совершенного преступления никак не увязывалось с ответственностью и наказанием. Преступным деяние признавалось по объективным признакам (например, размер причиненного вреда). Иными словами в законодательстве того периода применялся принцип объективного вменения.

Мы согласны с позицией тех авторов, которые считают, что «термин «вина» в законодательстве X века означал совершение действий, влекущих уголовную ответственность, т. е. охватывал объективные признаки преступления.¹

Также мы согласны с точкой зрения тех авторов, которые считают, что «праву того периода было известно только фактическое вменение».

Смещение понятия вины и виновности из материальной сферы в душевно-эмоциональную наблюдается в Судебниках XV–XVII век.²

«Окончательно отказалось от материальной вины Уложение 1649 г., когда существенно возросло значение человеческой индивидуальности. В Соборном Уложении 1649 г. появляется очень важное понятие воли. Оценка различий

¹ Рогов, В.А. История уголовного права, террора и репрессий в Русском государстве XV–XVII века / В.А. Рогов. – М.: Юристъ, 1995. – С. 52.

² Магомедов, А.А. Уголовная ответственность и освобождение от нее: эволюция правовых воззрений и современности: дисс. ... доктора юрид. наук / А.А. Магомедов. – М., 1998. – С. 22.

волевой направленности действий виновного весьма высока. Например, в случае с поджогами имущества различаются казус («непорочное дело»), неосторожность («небрежность») и умысел («нарочное дело»). Кроме того, «Уложение активно использует термины «умышленное» и «воровской умысел». Первый термин полностью оправдывает свою смысловую значимость: для кары достаточно установить наличие мыслей или подготовительных действий, наступление последствий не обязательно. Подчеркивая общественную опасность «воровского умысла», как формы вины в наиболее опасных общеуголовных деяниях, закон предусматривает, что лицам, обороняющимся от «воров», нельзя ставить «в вину» убийство при защите личных и имущественных интересов». ¹

«Развитие идей умысла во многом подготавливало почву для перемещения понятий вины в область психической деятельности человека. Это неизбежно означало и кризис «материальной» вины. После государственных преобразований Петра I многие нормы права XVII в. Фактически утратили силу.

Наибольший интерес из уголовно-правовых документов представляет Артикул воинский 1715 г., который не заменил Уложение 1649 г., а действовал параллельно с ним вплоть до создания Свода законов Российской империи». ²

Как и Соборное уложение, Артикул воинский знает наказание за голый умысел на совершение политических преступлений.

Артикул воинский проводит разграничение между деяниями умышленными, неосторожными и случайными. В 1845 г. завершилась систематизация российского законодательства. В области уголовного права было издано Уложение о наказаниях уголовных и исправительных.

В ст. 5 Уложения закреплялось, что «преступления и проступки суть умышленные или неумышленные». Ст. 6 выделяла две разновидности умысла: «В преступлениях и проступках умышленных различаются две степени: первая, когда противозаконное деяние учинено вследствие не внезапного, а заранее

¹ Векленко, С.В. Виновное вменение в уголовном праве: дисс. ... доктора юрид. наук / С.В. Векленко. Омск, 2003. С. 25; Памятники Русского права. Вып. 6 / под ред. С.В. Юшкова. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1986. С. 123.

² Векленко, С.В. Указ. соч. С. 26.

обдуманного намерения или умысла; вторая, когда оное учинено хотя и с намерением, но по внезапному побуждению без предумышления». Согласно ст. 7 «зло, сделанное случайно, не только без намерения, но и без всякой со стороны учинившего оное неосторожности, считается виною». Из этих формулировок можно заключить, что законодательство того времени четко выделало умышленную форму вины.

При описании конкретных составов преступлений в Уложении активно использовались термины «умышленно», «с умыслом», «с злобным умыслом», «хотя и не с прямым на то умыслом, но однако же и не случайно, а с намерением», «с намерением», «обдуманно», «заведомо», «злонамерено», «самовольно».

В статьях Уложения, посвященных посягательствам на государя, наряду с ответственностью за преступное действие предусматривалась ответственность за «злоумышление», под которым в соответствии со ст. 8 следовало понимать «через кого-либо обнаруженный на преступление умысел».

Ст. 271 прямо говорила о наказании смертной казнью «за умысел ниспровергнуть правительство во всем государстве или в некоторой оною части», а одним из видов государственной измены (ст. 275) признавалось: «когда кто-нибудь умыслить предать государство или какую-либо часть одного другому государю или правительству».

Анализ всех этих положений позволяет сделать вывод о том, что законодательству того периода выделало так называемый «голый умысел» и предусматривало за его наличие ответственность.

Умышленная вина получила достаточно детальную регламентацию в Уголовном Уложении 1903 г. Прогрессивно настроенные ученые-юристы того времени Н.Д. Сергеевский, Н.С. Таганцев, Н.А. Неклюдов, И.Я. Фойницкий своими трудами внесли большой вклад в решение важнейших вопросов уголовного права, в том числе и института вины и производных от него. Благодаря им в двух отделениях Уложения – четвертом и пятом – регламентировалось виновное вменение преступных деяний. Так согласно ст. ст.

42 и 43 Уложения «не вменяется в вину преступное деяние, коего учинивший не мог предвидеть или предотвратить. Неведение обстоятельства, коим обуславливается преступность деяния или которое усиливает ответственность. Устраняет вменение в вину самого деяния или усиливающего ответственность обстоятельства».

Отделение пятое Уголовного Уложения 1903 г., посвященное видам виновности, не только закрепило разграничение между виной умышленной и неосторожной, но и дало содержательную характеристику этим формам виновности.

Так, согласно ст. 48 «преступное деяние почитается умышленным не только, когда виновный желал его учинения, но также, когда он сознательно допускал наступления последствия, обуславливающего преступность сего деяния».

Вместе с тем отметим, что Уголовное Уложение 1903 г. полностью не было введено в действие¹.

Термин «вина», «виновность» встречаются в первых декретах Советского государства. Понятие умышленной вины отсутствовало. Вместе с тем некоторые деяния содержали указания на цель и заведомость, что свидетельствовало об умышленном характере преступления.²

Следует, однако, заметить, что не только ни в одном из этих случаев не делалось попытки раскрыть содержание умысла, но и сама терминология не отличалась четкостью.

¹ Векленко, С.В. Эволюция отечественного уголовного законодательства о виновной ответственности / С.В. Векленко // Вестник Воронежского института МВД России. 2009. № 1. С. 15–20.

² Декрет СНК РСФСР «О набатном звоне» от 30.07.1918 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_332.htm; Декрет ВЦИК «Об изъятиях из общей подсудности в местностях, объявленных на военном положении» от 20.06.1919 г. // СУ РСФСР. 1919. № 27. Ст. 301; Декрет ВЦИК, СНК РСФСР «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния» от 18.12.1917 // СУ РСФСР. 1917. № 11. Ст. 160; Декрет СНК РСФСР «О порядке всеобщей трудовой повинности» от 29.01.1920 г. // СУ РСФСР. 1920. № 8 Ст. 49; Декрет ВЦИК, СНК РСФСР «О мерах борьбы хищениями из государственных складов и должностными преступлениями, способствующими хищениям» от 01.06.1921 г. // СУ РСФСР. 1921. № 49. Ст. 262.

Поэтому трудно сказать, что законодатель того времени понимал под умыслом, каким образом происходило отграничение от неосторожной формы вины.

В ст. 11 УК РСФСР 1922 г. было дано определение умысла.¹ Поэтому нет ничего удивительного в том, что определение умысла в УК РСФСР 1922 года не оказало заметного влияния и на определение субъективной стороны преступлений в самом Кодексе.

Характерно, что и в посвященной УК РСФСР 1922 года литературе мы не находим убедительных попыток связать определение умысла в ст. 11 с предшествующим развитием законодательства.

Н.Д. Дурманов, указывая, с одной стороны, что основными источниками УК РСФСР 1922 года были советское уголовное законодательство и судебная практика революционных трибуналов и народных судов 1917–1921 гг. и, с другой – характеризуя определение умысла в ст. 11 как «превосходное», никак не связывает это определение с тем, что происходило в законодательстве предшествующего периода. Этого не делает и Б.С. Утевский, ограничивающийся применительно к определению умысла в ст. 6 Основных начал 1924 года указанием на то, что уже к 1924 году советское уголовное право «выработало свое собственное понятие умысла» и что соответствующая формулировка является окончательной, четкой и ясной и не нуждается «ни в каких дополнениях и изменениях».²

Вместе с тем, мы согласны с теми авторами, которые считают, что определение умысла берет за основу ст. 48 Уголовного Уложения 1903 г., которая почитала преступное деяние умышленным «не только, когда виновный желал его учинения, но также, когда он сознательно допускал наступление последствия, обуславливающего преступность сего деяния».

¹ Кораблева, С.Ю. Вина как уголовно-правовая категория ее влияние на квалификацию преступлений: дисс. ... канд. юрид. наук / С.Ю. Кораблева. М., 2013. С. 56.

² Утевский, Б.С. Вина в советском уголовном праве / Б.С. Утевский. М.: Госюриздат, 1950. С. 183.

Так, Г.А. Злобин и Никифоров Б.С. указывают на следующее: «Наличие важного сходства между двумя определениями очевидно. Оба они делят умысел на два вида. Оба они не связывают с этим делением какого-либо различия в квалификации или наказуемости преступлений, а скорее проводят таким путем внешние границы этого понятия (по формуле: «умысел – это не только..., но и...»). Деление умысла на виды проводится в УК РСФСР, как и в ст. 48 Уложения, с помощью терминов «желание» и «сознательное допущение», которые не встречались в советском уголовном законодательстве до 1922 года. В результате, как мы видели из Объяснительной записки, граница между умыслом и неосторожностью проводилась обоими определениями более или менее одинаково. Обращает на себя внимание преимущественно психологический характер обоих определений, который в ст. 11 УК РСФСР выражен даже сильнее, ибо в ней нет указания на «преступность деяния». Это объяснялось, по-видимому, тем, что в УК РСФСР само преступление не определялось как деяние, предусмотренное уголовным законом; до включения же в определение умысла указания на отношение деятеля к общественно опасному характеру деяния дело еще не дошло.

В такого рода заимствовании технико-юридических достижений прежнего законодательства нет ничего ни неожиданного, ни «зазорного». Было бы наивным и опасным «левачеством» полагать, что определения «общеуголовных» понятий, выработавшихся правосознанием в течение веков, таких, как кража, грабеж, разбой либо умысел или неосторожность, в советском законодательстве должны были быть непременно другими, чем раньше, «ни на что не похожими». Само собой разумеется, при составлении первого советского кодекса не могло быть и речи о том, чтобы, как предлагали некоторые, «старый кодекс (Уголовное уложение 1903 года) почистить и оставить в силе». «...В этом высказывании о характере заимствований из Уложения 1903 года, – пишут авторы учебника Общей части советского уголовного права, – смешивались две различные проблемы: проблема классового содержания уголовно-правовых норм, их направленности, с одной стороны, и проблема форм и конструкций уголовно-

правовых норм – с другой. Принципиально ошибочно, фактически неверно утверждение о том, что сохранились прежние общественные отношения. Заимствование же из Уголовного уложения 1903 г. форм и конструкций отдельных норм не могло быть категорически исключено, тем более, что Уложение 1903 г. в смысле технико-юридической разработки представляло собою в то время известное достижение законодательной техники». Это последнее положение относится, в частности, а может быть даже в особенности, к определению умысла».¹

Дальнейшее развитие определения умысла в Общей части также шло по линии все большего его уточнения в указанном направлении. Уже Основные начала уголовного законодательства СССР и союзных республик 1924²года сделали в этом отношении значительный шаг вперед, сблизив определение умысла с материальным определением преступления как действия общественно опасного и таким путем придав определению умысла социальное содержание.

«В соответствии со ст. 6 Основных начал уголовного законодательства СССР и союзных республик 1924 года меры социальной защиты судебно-исправительного характера применяются лишь в отношении лиц, которые действуя умышленно, предвидели общественно опасный характер последствий своих действий, желали этих последствий или сознательно допускали их наступление».³

Статья 10 УК РСФСР 1926⁴года воспроизвела эту формулировку, внося в нее следующее редакционное уточнение: «действовали умышленно, т.е. предвидели».

Последовавшие изменения законодательства свидетельствовали о том, что законодатель признал за субъективной стороной более фундаментальное, чем

¹ Злобин, Г.А. Умысел и его формы / Г.А. Злобин, Б.С. Никифоров. М.: Юрид. Лит., 1972.С. 33.

² Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и Союзных Республик: Постановлением ЦИК СССР от 31.10.1924 г. // СЗ СССР. 1924.№ 24. ст. 205.

³ Паньков, И.В. Умышленная вина по российскому уголовному праву: дисс. ... канд. юрид.наук / И.В. Паньков.СПб., 2010. С. 43.

⁴ Постановление ВЦИК «О введении в действие Уголовного Кодекса РСФСР». редакции 1926 года: от 22.11.1926 // СУ РСФСР. 1926.№ 80.Ст. 600.

прежде, значение. С одной стороны, в определении оснований уголовной ответственности, ранее отсутствовавшем в законодательстве, умысел и неосторожность были охарактеризованы как необходимая составная часть этих оснований.

Так, в соответствии со ст. 3 Основ 1958 г. уголовной ответственности и наказанию подлежит только лицо, виновное в совершении преступления, т. е. умышленно или по неосторожности совершившее предусмотренное уголовным законом общественно опасное деяние.

С другой – законодатель уделил большее, чем до этого, внимание разработке самого определения умысла. Наиболее важным событием в этом отношении явилось включение в это определение (в ст. 8 Основ 1958 года) указания на сознание лицом общественно опасного характера своего действия «ли бездействия. В результате определение умысла включило, наконец, в свою орбиту формальные преступления.

В ст. 8 УК РСФСР 1960 г. говорилось о том, что преступление признается совершенным умышленно, если лицо, его совершившее сознавало общественно опасный характер своих действия или бездействия, предвидело его общественно опасные последствия и желало или сознательно допускало наступление этих последствий.¹

В Уголовном кодексе Российской Федерации 1996 г.,² вступившем в действие с 1 января 1997 г., в отличие от ранее действовавшего уголовного законодательства, вине посвящена целая глава – глава 5. Статьи названной главы не только называют, но и детально регламентируют формы вины. Так, УК РФ 1996 г. характеризует умысел как психическое отношение, при котором лицо осознавало общественную опасность действий (бездействия), предвидело возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий и желало их или сознательно допускало наступление этих последствий.

¹ Уголовный кодекс РСФСР: утв. ВС РСФСР 27.10.1960 г. // Ведомости ВС РСФСР 1960.№ 40.Ст. 591.

² Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 г. № 63 ФЗ// Собрание законодательства РФ. 1996.№ 25.Ст. 2954.

Завершая анализ отечественного законодательства по вопросам исторического развития умысла отметим, что на примере рассмотренных законодательных актов четко прослеживается эволюция уголовно-правовых взглядов, которая способствовала не просто декларации умысленной вины, но и наделила умысел существенными признаками – сознавало, желало, допускало.

Кроме того, в целом считаем, что способность человека оценивать свое поведение и руководить своими действиями занимает центральное место в решении вопроса о привлечении к уголовной ответственности.

1.2 Уголовно-правовые аспекты умысла

«Развитие теоретических представлений об умисле в российской науке уголовного права исторически происходило в рамках общего учения о вине. При этом на сегодня высказаны самые разные подходы к пониманию содержания, формы и сущности вины». ¹Однако примечательно то, что «их проецирование на уровень видов вины является нетрадиционным и практически не встречается в литературе. Так, умысел в основном рассматривается с точки зрения его законодательной конструкции; именно отраженные в законе признаки интеллектуального и волевого элементов умысла анализируются большинством авторов. Что же касается основных теоретических характеристик, выделяемых в учении о вине, то они обычно применяются к самой вине, но не к ее видам, а наличие некоторых из них у видов вины иногда вообще отрицается». ²

¹ Дагель, П.С. Содержание, форма и сущность вины в советском уголовном праве / П.С. Дагель // Правоведение.1969. № 1. С.79; Рарог, А.И. Субъективная сторона и квалификация преступлений / А.И. Рарог.М.: Профобразование, 2001. С. 69; Иванов, С.А. Понятие, основные характеристики и показатели вины в уголовном праве России / С.А. Иванов. Ставрополь: Ставропольсервисшкола, 2005. С. 98

² Паньков, И.В. Теоретические аспекты умысленной вины по российскому уголовному праву / И.В. Паньков // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 65. С. 252.

Такие понятия, как «содержание умысла», «формы умысла», «сущность умысла», используются в литературе при рассмотрении тех или иных проблем. Но это делается не комплексно, а фрагментарно, применительно к различным аспектам более общих вопросов. «Целостного подхода к анализу умысла как вида вины с отдельным описанием его основных теоретических характеристик (содержания, формы и сущности) нет ни в работах по общим вопросам вины », «ни в специальных монографических исследованиях умысла». ¹

Указанная ситуация представляется пробелом в теории. Вместе с тем при глубоком анализе умысла его содержание, форму и сущность не только возможно, но и необходимо выделять, а также сопоставлять с аналогичными характеристиками вины в целом. ²

В связи с этим может быть предложен следующий подход к рассмотрению основных характеристик умышленной вины, который позволит на методологически правильной основе провести теоретический анализ умысла и определить его общее понятие.

«Умышленная вина представляет собой определенный класс явлений, и в этом смысле нет никаких теоретических препятствий для рассмотрения явлений данного класса с точки зрения присущих им содержания, формы и сущности. При этом необходимо исходить из понимания соответствующих теоретических характеристик самой вины». ³

«Для содержания и формы умысла в их соотношении с виной, во-первых, характерен момент сходства, поскольку они производны от содержания и формы вины, представляют собой их конкретное и более частное проявление. В этом плане содержание умысла, как и содержание любого проявления вины, включает в себя те же общие свойства, относящиеся к его психологической (как

¹ Якушин, В.А. Субъективное вменение и его значение в уголовном праве / В.А. Якушин. Тольятти: ТолПИ, 1998. С. 122; Векленко, С.В. Понятие, сущность, содержание и формы вины в уголовном праве / С.В. Векленко. Омск: Изд-во Омск. юрид. акад. МВД России, 2002. С. 132.

² Гурвич, И.Г. Косвенный умысел по советскому уголовному праву: автореферат дисс. ... канд. юрид. наук / И.Г. Гурвич М., 1951. С. 10.

³ Паньков, И.В. Основные теоретические характеристики вины в уголовном праве / И.В. Паньков // Известия РГПУ им. А.И. Герцена: Аспирантские тетради. 2008. № 28. С. 63.

психического отношения, проявляемого в преступном поведении), социальной (как социально значимого поведения с учетом его повышенной опасности и порицаемое) и юридической (как правового института с учетом его нормативного описания и значения) сторонам, а форма есть взаимосвязь между соответствующими компонентами содержания умысла. Во-вторых, существует момент различия, поскольку умысел как вид вины обладает специфическими свойствами, которые отсутствуют у вины как рода и в то же время отличают умысел от неосторожности.

Указанные свойства умысла также относятся к психологической (адекватное отражение ситуации и активное использование своих психических способностей), социальной (повышенная общественная опасность и упречность поведения) и юридической (специфика описания в законе и правовых последствий) сторонам его содержания и, соответственно, взаимосвязаны между собой в рамках его формы». ¹

Однако возникает вопрос о понимании формы и содержания умысла как определенного класса явлений с учетом того, что каждое отдельное явление, входящее в этот класс, индивидуально, оно имеет свои свойства, свое содержание и форму. «Для решения данного вопроса важно не только то, что между явлениями, входящими в один класс, существуют сходства и различия, но и то, каковы эти различия. Они могут носить качественный и количественный характер». ²

«Если качественная определенность отделяет явления одного вида от явлений другого вида, указывая на общую им родовую сущность, то количественная определенность разграничивает явления внутри данного вида, указывая на общую для них видовую сущность. При этом необходимо учитывать относительность качественных и количественных различий». ³

¹ Паньков, И.В. Указ. соч.С. 64.

² Философский энциклопедический словарь / под ред. Л.Ф. Ильичева.М.: Советская энциклопедия, 1983.С. 252, 263.

³ Руткевич, М.Н. Диалектический материализм / М.Н. Руткевич.М.: Мысль, 1973. С. 417.

Так, различия между видами умысла являются существенными, качественными, но на уровне вины в целом эти же различия будут выступать уже как несущественные, количественные. Кроме того, качественное различие может быть различных степеней. Например, различие между прямым умыслом и небрежностью будет гораздо больше, чем между прямым и косвенным умыслом.¹

Таким образом, для понимания содержания и формы умысла важно то, что «явления вины, имеющие качественную определенность (входящие в один и тот же вид), обладают качественно однородными свойствами и, соответственно, одним содержанием, которому соответствует одна форма (с возможными количественными отклонениями, но в рамках качественной определенности явлений данного вида); другой формы при данном содержании быть не может».

Вопрос о сущности умысла является более сложным. В литературе можно встретить взгляды, согласно которым умысел не имеет самостоятельной сущности по сравнению с виной.

С приведенными взглядами на сущность умысла нельзя согласиться. Как уже было отмечено, «каждый класс имеет свою сущность, которая отражает общее и необходимое в многообразии проявлений элементов данного класса. Однако виды, входящие в один класс, качественно отличаются друг от друга и имеют специфические признаки, что позволяет говорить о сущности видов внутри рода. Именно многообразие родовидовых отношений между классами, в которые входят отдельные явления, отражает то общее и особенное, что есть в каждом из них, и позволяет говорить о различных уровнях сущности явлений. В этой связи с философской точки зрения «разнопорядковость сущности имеет свою непосредственную основу в разнопорядковости общего», а «градация общего выступает как градация сущности».

В настоящий момент актуально правильное понимание соотношения сущности вины и сущности умысла. «Сущность вины есть родовая сущность более высокого порядка, чем сущности ее видов, поэтому она диалектически

¹ Утевский, Б.С. Вина в советском уголовном праве / Б.С. Утевский. М.: Госюриздат, 1950. С. 183.

снимает на более глубоком уровне теоретического проникновения в предмет противоположность сущностей умысла и неосторожности. Сущность вины абстрактнее, но беднее признаками, так как отражает черты рода, а сущность умысла конкретнее, но богаче признаками, так как отражают специфику вида. Реальность родовой и видовой сущности признается в логике со времен

Аристотеля, а философия исходит из того, что «одна и та же сущность может иметь множество различных проявлений, равно как и всякое достаточно сложное явление может определяться несколькими сущностями».

В литературе довольно четкое определение сущности умысла было сформулировано в работах П.С. Дагеля, который отмечал, что она «заключается в сознании лицом общественно опасного характера своего действия или бездействия» (в отличие от сущности неосторожности, которая состоит в обязанности и возможности осознавать общественную опасность деяния при отсутствии такого осознания). По мнению В.Г. Макашвили, сущность умысла «состоит в антиобщественной воленарправленности (прямой или косвенной), которая вызывает осуждение и порицание с точки зрения правовых и нравственных норм».

«При определении сущности умысла с учетом изложенных выше положений, необходимо отметить, что принципиально, как и сущность вины, она может рассматриваться в различных приближениях. В первом приближении сущность умысла является психосоциюридической и состоит в единстве специфических свойств трех его основных сторон (психологической, социальной и юридической). Во втором приближении сущность умысла социальна; при этом она производна от социальной сущности вины, но вместе с тем имеет особенности, предопределяющие качественное своеобразие умысла по сравнению с неосторожностью ». Исходя из особенностей умысла можно дать более полное определение его социальной сущности: оно заключается в проявляющемся в преступлении и повышающем его общественную опасность и порицаемость отрицательном отношении лица к установленному уголовным

законом порядку общественных отношений в сфере охраны основных социальных ценностей.

Данное определение позволяет показать отличие сущности умысла, как от сущности неосторожности, так и вины и содержит два основных момента. При анализе приведенного понимания сущности умысла, как в первом, так и во втором приближении, может показаться, что оно совпадает с пониманием содержания умысла или, соответственно, социальной стороны его содержания (т. е. включает в себя совокупность тех же указанных выше их свойств). Однако следует отметить, что сущность и содержание любого правового явления есть совершенно разные его характеристики: сущность отражает специфику явления, общее и необходимое в нем, а содержание включает в себя совокупность всех возможных свойств, главных и неглавных, необходимых и случайных, общих и единичных. В связи с этим следует учитывать, что указанные выше специфические свойства психологической, социальной и юридической сторон содержания умысла есть именно их существенные свойства; любая из указанных сторон применительно к каждому отдельному явлению умысла в том или ином преступлении обязательно включает в себя множество других, более конкретных свойств. Принципиальным для правильного понимания умышленной вины является положение о том, что она представляет собой отдельный класс явлений, который отличается как от вины в целом, так и от неосторожности; каждый элемент данного класса обладает спецификой, выявляемой при анализе таких его характеристик, как содержание, форма, сущность. Однако в литературе достаточно часто можно встретить утверждения, в которых умыслу отказывается в самостоятельном и полноценном статусе; он рассматривается лишь как некая часть вины.

Среди подобного рода трактовок умысла можно выделить два основных подхода: 1) умысел понимается как такая часть вины, которая является ее формой; 2) умысел понимается как часть вины, но при этом не делается акцента на том, что это именно ее форма.

Для объяснения недопустимости понимания умысла как части вины необходимо отметить различия между отношениями мереологическими (целого и части) и отношениями логическими (рода и вида).

Первые есть более широкая область отношений, чем вторые. Все, что является видом по отношению к роду, является одновременно и частью рода как целого (подкласс данного класса), но не все, что является частью данного целого, может быть его видом.

Термином «умысел» может обозначаться как отдельное явление, так и класс явлений. При этом говорить о том, что умысел есть часть вины, можно только в том случае, если под умыслом и виной понимаются классы явлений. Если же речь идет об отдельном явлении умысла, то утверждение, что оно есть часть другого отдельного явления вины, будет ошибочным. При совершении преступления умысел выступает как отдельное правовое явление, и в отношении него равно справедливыми будут утверждения как о том, что это вина, так и о том, что это умысел. Просто тем самым будут фиксироваться свойства данного явления на различном уровне их общности (на уровне рода – вины, или вида – умышленной вины). Именно поэтому неправильно говорить о том, что умысел, который в данном случае и является виной, есть лишь часть вины; это будет означать смешение логических отношений между классами предметов и мереологических отношений между самими предметами.

При этом следует отметить, что утверждения в рамках первого из указанных подходов о соотношении умысла как части (а именно формы) и вины как целого неправильно в любом случае, независимо от того, имеются ли в виду под умыслом и виной отдельные явления или их классы. Это связано с принципиальной некорректностью понимания умысла как формы вины.

Что же касается второго подхода, при котором умысел рассматривается как часть вины без указания на форму, то в данном случае всегда следует учитывать тот смысл, в котором употребляются данные термины. При этом обычно речь идет именно о понимании умысла как части вины на уровне отдельных явлений, что нельзя признать правильным. Умышленная вина выступает как сложное и

многогранное правовое явление. Поэтому теоретическое понятие о нем наиболее полно может быть раскрыто только на основе учета всех теоретических положений об умысле. В юридической литературе довольно часто встречаются определения умысла. Однако подавляющее их большинство по своей сути представляют либо изложение действующей законодательной формулировки умысла, либо формулировку законодательного определения умысла *de lege fereda*. Вместе с тем теоретическое и законодательное определения умысла принципиально отличаются.

Среди немногочисленных теоретических определений умышленной вины как самостоятельного правового явления в современной литературе можно отметить следующие.

По мнению Б.Э. Галинской, «умысел – это психическое отношение субъекта, выражающееся в сознательном направлении им своей воли на совершение общественно-опасного деяния и на причинение общественно - опасных последствий». А.П. Козлов дает следующее определение: «Умыслом признается субъективно положительное отношение лица к совершаемому им общественно опасному деянию и его результату». С.В. Дубовиченко отмечает: «Умысел – это осознание лицом характера и степени общественной опасности и уголовной противоправности своего деяния, определяющее положительно-волевое и эмоциональное отношение к нему».

Необходимо учитывать, что в любом определении можно найти недостатки.

Мы при определении умысла придерживаемся следующей позиции: «умысел есть нормативно определяемое виновное психическое отношение к совершаемому преступному деянию, основанное на отрицании личностной значимости установленного уголовным законом порядка общественных отношений в сфере охраны основных социальных ценностей».

1.3 Психологические аспекты умысла

Психологические аспекты умысла нами будут раскрыты через интеллектуальные и волевые элементы.

Как уже было сказано, «определение умысла дано в ст. 25 УК РФ. Каждому из определенных в ст. 25 УК РФ видов умысла присущи интеллектуальные и волевые моменты. Интеллектуальных моментов два. Первый выражается в осознании лицом, совершающим преступление, общественно опасного характера своих действий или бездействия, то есть того, что относится к настоящему времени (на момент совершения деяния), а второй – в предвидении его общественно опасных последствий (при прямом умысле – возможности или неизбежности их наступления, а при косвенном – только возможности), то есть того, что относится к будущему времени. На необходимость осознания общественно опасного характера своего деяния и предвидения его общественно опасных последствий лицом, признаваемым виновным в совершении умышленного преступления, неоднократно обращалось внимание высшими судебными инстанциями».¹

Волевой момент прямого умысла состоит в желании наступления общественно опасных последствий. Волевой момент косвенного умысла – в нежелании, но сознательном допущении этих последствий или безразличном отношении к ним. При этом, иногда суды допускают ошибки, забывая, что безразличное отношение присуще только умышленной форме вине.

Так, Копейский городской суд Челябинской области признал Куренкова виновным и осудил за причинение тяжкого вреда здоровью, опасного для жизни человека, повлекший в результате смерть по неосторожности потерпевшего Б.П.Л.

В апелляции прокурор Фаставцова просила отменить приговор из-за несоответствием выводов суда фактическим обстоятельствам уголовного дела,

¹ Классен, М.А. Дискуссионные вопросы умысла в уголовном праве России / М.А. Классен, В.В. Лалац // Проблемы права.2012.№ 7.С. 137–143.

нарушение уголовного-процессуальное право, неправильное применение уголовного права, несправедливость приговора из-за его чрезмерной мягкости. Помимо этого государственной обвинитель полагал, что судом были допущены противоречия в определении, и что суд не учел все обстоятельства, которые могли повлиять на назначение наказания. Так мотивировав отношение осужденного к наступлению смерти потерпевшего в виде неосторожности, описывающего преступное деяние, суд в приговоре ошибочно указал, что Куренков Е.В. относился к вероятности наступления смерти потерпевшего безразлично. Тогда как в силу ч. 3 ст. 25 УК РФ о безразличном отношении лица к конкретным последствиям преступления определяет наличие в действиях этого лица косвенного умысла. Считает, что решение суда Куренкова Е.В., который относился к последствиям безразлично, подлежит исключению из приговора.

В апелляционной жалобе и дополнении к ней осужденный Куренков Е.В. не согласился с приговором, попросил его отменить его. Он сказал, что выводы суда о его виновности основана исключительно на доводах следствия и ничем доказательства не подтверждены, в деле имеются неустранимые сомнения по его вине, которые должны быть истолкованы в его пользу. Полагает, что назначенное наказание несправедливо, слишком сурово. В свою же очередь судом не было принято во внимание противоправное поведение потерпевшего, а также не были учтены положения статьи 61 УК РФ. Оспаривал наличие у него умысла причинить потерпевшему тяжкий вред здоровью, и также он не согласился с вменяемым ему количеством ударов. Просит изменить ему режим исправительного учреждения и назначить более мягкое наказание.

Апелляционный суд, изменяя приговор Копейского городского суда в Челябинской области заявил следующее: «...указание суда в приговоре о безразличном отношении Куренкова Е.В. к возможности наступления смерти в соответствии с ч. 3 ст. 25 УК РФ свидетельствует о косвенном умысле на причинение смерти, деяние же, совершенное с косвенным умыслом, является умышленным преступлением.

Косвенный умысел на причинение смерти возможен при совершении убийства, тогда как в убийстве Куренков Е.В. органами предварительного следствия не обвинялся.

Таким образом, из приговора подлежит исключению указание на безразличное отношение Куренкова Е.В. к наступившим последствиям в виде смерти потерпевшего. Однако данное обстоятельство не является основанием к отмене либо изменению приговора, так как само по себе не уменьшает ни объем предъявленного обвинения, ни изменяет квалификацию содеянного».

Другой пример, приговор Уйского районного суда Челябинской области Воронин И.В. приговорен за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, опасного для жизни человека, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего.

По апелляционной жалобе районный прокурор Крынецкий Н.С. просил приговор ввиду в неправильном применении уголовного закона изменить, исключить из него ссылку на приговор от 17 января 2008 года и постановления суда от 23 августа 2012 года.

Суд первой инстанции в описательной части приговора сделал необоснованный вывод о неслучайном поведении Воронин И.В. на момент совершения преступления, на основании приговора от 17 января 2008 года и постановления суда от 23 августа 2012 года, которые не были исследованы судом и не могли быть положены в основу обвинительного приговора.

В кассационной жалобе осужденный Воронин И.Л. просит приговор изменить, учитывая смягчающие обстоятельства назначить наказание не связанное с лишением свободы. Он не согласен с приговором, считывая его несправедливым, потому что наказание не соответствует тяжести совершенного преступления.

Апелляционный суд, изменяя приговором суда первой инстанции, указал следующее: «Как видно из описательно-мотивировочной части приговора, суд, описывая обстоятельства содеянного осужденным с точки зрения признаков

субъективной стороны состава преступления в его действиях, указал, что Воронин И.В. относился к возможности наступления последствий в виде смерти В.А.В. безразлично.

Согласно прямому указанию ч. 3 ст. 25 УК РФ безразличное отношение лица к последствиям преступления выражает умышленную форму его вины применительно к преступлению, совершаемому с косвенным умыслом.

Вместе с тем, за умышленное причинение смерти другому человеку Воронин И.В. не осуждался, напротив суд подробно мотивировал в приговоре свои выводы об умышленном причинении Ворониным потерпевшему только тяжкого вреда здоровью и о виновности осужденного в причинении последствия в виде смерти В.А.В. по неосторожности. Эти выводы соответствуют предъявленному Воронину И.В. органами следствия обвинению и фактическим обстоятельствам дела, установленным исследованными судом доказательствами.

Поэтому вышеуказанное суждение о безразличном отношении виновного к возможности наступления последствия в виде смерти потерпевшего приведено судом ошибочно, некорректно, что противоречит другим выводам суда о неосторожной форме вины осужденного применительно к конкретным последствиям от преступления в виде наступления смерти потерпевшего, и подлежит исключению из приговора.

Это изменение носит лишь характер исправления некорректного суждения, не переоценивает выводы суда по существу дела, не уменьшает фактический объем обвинения Воронина И.В., установленный приговором, не изменяет установленной квалификации его действий по ч. 4 ст. 111 УК РФ, ввиду чего само по себе не влечет смягчение назначенного осужденному наказания».

Проанализировав исследования, посвященные умышленной форме вины, мы выявили несколько проблемных вопросов, связанных с психологических аспектов умышленной вины.

Так, к первой проблеме мы отнесём признак осознания общественной опасности действия (бездействия). «В законодательной конструкции умысла указано на осознания действия (бездействия), но ничего не сказано о

субъективном отношении лица, совершающим преступление, к другим обстоятельствам совершения преступления (место, время, способ и т. д.). В теории уголовного права предлагались различные решения указанной проблемы. Наиболее оптимальным решением на наш взгляд представляется следующее: заменить слова «своих действий (бездействия)» на слова «своего деяния». Как известно, термин «деяние» употребляется не только в качестве обобщенной характеристики действия и бездействия, но и как синоним преступления в целом. Указанное изменение будет способствовать более четкому законодательному определению умысла в соответствии с его традиционным пониманием и позволит устранить возможные трудности при его трактовке». Например, ст. 21 УК Узбекистана «... деяния, признается умышленным, если лицо, его совершившее, сознавало общественно опасный характер деяния ...»; ст. 20 УК Израиля «Преступный замысел – осознание характера деяния ...»; из ч. 2 и ч. 3 ст. 9 УК Грузии следует, что деяние совершено с умыслом если лицо осознавало противоправность своего деяния и т. д.

Субъективные признаки состава включают в осознание излишне, т.к. они характеризуют лицо, которое совершат преступление (если речь идет о специальном субъекте) или мотивы и цели, по которым виновные руководствовались.

Вторая проблема касается волевого элемента косвенного намерения. Так, некоторые авторы отмечают, что формулировка в ч. 3 ст. 25 УК РФ косвенного умысла выглядит немного странным. «Лицо в ней сознает факт совершения преступного деяния, но при этом не желает его общественно опасных последствий. Получается, что оно действует вопреки своим желаниям, что с психологической точки зрения невозможно из-за отсутствия мотивации к данному поведению».

Суды также испытывают трудности при определении и трактовке косвенного умысла и квалификации умышленных преступлений.

Мы предлагаем «волевой элемент косвенного умысла трактовать следующим образом: преступление всегда является актом человеческого

поведения. Субъектом преступления является вменяемое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности. Вменяемость в свою очередь означает способность лица осознавать характер своего деяния, а также способность руководить своими действиями. Таким образом, во-первых, акт поведения вменяемого лица всегда наделяется волей, а во-вторых направлен на достижение определенной цели».¹ Известный психолог С.Л. Рубинштейн писал: «направляясь на определенную цель действие в своем ходе регулируется соответствием с этой целью». Согласно этимологическому толкованию цель это «предмет стремления, то, что надо желательнoосуществить». Проведя более подробный анализ понимания цели некоторые авторы отмечают: «В психологической науке существуют различные подходы ученых к определению цели. Одни считают, что категория «цель» вообще не научна. Другие, называют цель целесообразным, полезным результатом, ради которого разворачивается поведение. Большинство же сходны во мнении, что цель – осознанный образ будущих результатов, связанный с мотивом».

Далее, «согласно мнению психологов, «воля – это форма психического отражения, в котором отражаемым является объективная цель, стимулы ее достижения, возникающие препятствия, мешающие ее достижению, а отраженным становится субъективная цель, борьба мотивов, волевое усилие; результатом – действие и удовлетворение достижением цели. Волевые процессы проявляются как переживание своеобразного усилия, направленного на преодоление трудностей».

На основании изложенного, принимая во внимание, что концептуальные положения умысла были сформированы, в т. ч. и на теории воли, считаем: «совершая преступление с косвенным умыслом, лицо предвидит наступление ряда альтернативных последствий, одно из которых представляет собой тот самый идеальный результат, которого стремился достичь виновный (цель). Остальные последствия были для виновного лица не желательны, но он

¹ Классен, М.А. Указ. соч. С. 139.

сознательно допускал эти последствия либо безразлично к ним относился. Как видно, обозначенный в ч. 3 ст. 25 УК РФ термин «не желал» не означает что лицо, совершая преступление с косвенным умыслом, действует вопреки своим желания, напротив, его воля направлена на то, чтобы совершить задуманное преступление, он желает наступления определенных последствий, которые являются по своей сути целью преступления, на остальные «побочные последствия» он дает свое заведомое «согласие».¹

Завершая рассмотрение общих положений, касающихся умысла, остановимся на следующих основных моментах.

История умысла неотрывна от истории развития института вины в уголовном праве.²

Анализ таких памятников русского права, как Договор Руси с Византией 911 года, Русская Правда позволяет сделать вывод, что субъективное восприятие совершенного преступления никак не увязывалось с ответственностью и наказанием.

Смещение понятия вины и виновности из материальной сферы в душевно-эмоциональную наблюдается в XVII веке.

Окончательно отказалось от материальной вины Уложение 1649 г. Развитие идей умысла во многом подготавливало почву для перемещения понятий вины в область психической деятельности человека. Это неизбежно означало и кризис «материальной» вины.

Анализ всех положений законодательства XIX в. позволяет сделать вывод о том, что законодательству того периода выделило так называемый «голый умысел» и предусматривало за его наличие ответственность.³

Умышленная вина получила достаточно детальную регламентацию в Уголовном Уложении 1903 г. Вместе с тем отметим, что Уголовное Уложение 1903 г. полностью не было введено в действие. Термин «вина»,

¹ Классен, М.А. Указ. соч.С. 139.

² Злобин, Г.А. Умысел и его формы / Г.А. Злобин, Б.С. Никифоров. – М.: Юрид. лит., 1972. С.33.

³ Паньков, И.В. Умышленная вина по российскому уголовному праву: дисс. ... канд. юрид. наук / И.В. Паньков.СПб., 2010.С. 43.

«виновность» встречаются в первых декретах Советского государства. Понятие умышленной вины отсутствовало.

Вместе с тем некоторые деяния содержали указания на цель и заведомость, что свидетельствовало об умышленном характере преступления.

В целом анализ отечественного законодательства по вопросам исторического развития умысла показал, что на примере рассмотренных законодательных актов четко прослеживается эволюция уголовно-правовых взглядов, которая способствовала не просто декларации умышленной вины, но и наделила умысел существенными признаками – сознавало, желало, допускало. Кроме того, в целом считаем, что способность человека оценивать свое поведение и руководить своими действиями занимает центральное место в решении вопроса о привлечении к уголовной ответственности.¹

Что касается уголовно-правовых аспектов умысла, то развитие теоретических представлений об умысле в российской науке уголовного права исторически происходило в рамках общего учения о вине.

При определении умысла мы придерживаемся следующей позиции: «умысел есть нормативно определяемое виновное психическое отношение к совершаемому преступному деянию, основанное на отрицании личностной значимости установленного уголовным законом порядка общественных отношений в сфере охраны основных социальных ценностей».²

Психологические аспекты умысла заключаются в интеллектуальных и волевых элементах. Первые выражаются в осознании лицом, совершающим преступление, общественно опасного характера своих действий или бездействия, волевые элементы заключаются в желании совершить преступление.

¹ Паньков, И.В. Теоретические аспекты умышленной вины по российскому уголовному праву / И.В. Паньков // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 65. С. 260

² Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и Союзных Республик: Постановлением ЦИК СССР от 31.10.1924 г. // СЗ СССР. 1924. № 24. ст. 205.

ГЛАВА 2. ВИДЫ УМЫСЛА И ИХ ВЛИЯНИЕ НА КВАЛИФИКАЦИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ.

2.1 Прямой и косвенный умысел: критерии деления и некоторые аспекты квалификации

Согласно ст. 25 УК РФ: «Преступлением, совершенным умышленно, признается деяние, совершенное с прямым или косвенным умыслом».¹ Правильное определение вида умысла имеет важное юридическое значение. Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» говорит нам о том, что: «при назначении наказания в числе прочих обстоятельств суды обязаны учитывать вид умысла, мотив и цель преступления»².

Прямой умысел имеет место в ч.2 ст.25 УК РФ, которая гласит: «Преступление признается совершенным с прямым умыслом, если лицо, его совершившее, осознавало общественную опасность своего действия (бездействия), предвидело возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий и желало их наступления»³ (ч. 2 ст. 25 УК).

Осознание общественно опасного характера совершаемого деяния и предвидение его общественно опасных последствий протекают в сознании лица, совершающего преступление, данное осознание образует интеллектуальный элемент прямого умысла, а желание достижения определенных последствий

¹Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 07.04.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.04.2020) ч.1 ст.25

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» от 27.01.1999 № 1 // Российская газета. 1999. 9 февраля.

³"Уголовный кодекс Российской Федерации" от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 07.04.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.04.2020) ч.2 ст.25

относится к волевой сфере психики и составляет волевой элемент прямого умысла.

Осознание общественно опасного характера деяния - это понимание его фактического содержания и социальной значимости. Осознание включает в себя представление о характере объекта преступления, содержании действий (бездействия), посредством которых совершается преступление, а также о фактических обстоятельствах (времени, месте, способе, ситуации), при которых совершается преступление. По мнению Кораблева: «отражение всех этих компонентов в сознании виновного дает ему возможность осознать общественную опасность совершаемого деяния».¹

Осознание общественной опасности позволяет правильно квалифицировать действия лица, совершившего преступление. Согласно Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002г. № 292: «если в ходе совершения кражи действия виновного обнаруживаются собственником или иным владельцем имущества либо другими лицами, однако виновный, сознавая это, продолжает совершать незаконное изъятие имущества или его удержание, содеянное следует квалифицировать как грабеж, а в случае применения насилия, опасного для жизни или здоровья, либо угрозы применения такого насилия – как разбой»².

И напротив, если оно отсутствует, то отсутствует и умысел и как следствие и состав преступления. Так, в соответствии с Постановлением Пленума Верховного суда РФ от 09.07.2013 г. № 243: «если лицо, передавшее имущество, предоставившее имущественные права, оказавшее услуги имущественного характера за совершение должностным лицом действий (бездействие) по службе, осознавало, что указанные ценности не предназначены для незаконного обогащения должностного лица либо его родных или близких, содеянное им не образует состав преступления, предусмотренный статьей 291 либо статьей 291.1 УК РФ»³.

¹ Кораблева, С.Ю. Указ.соч.С. 55.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» от 27.12.2002 № 29 // Российская газета.2003.18 января.

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о

Осознание общественной опасности деяния- это не то же самое, что осознание его незаконности (противоправности), т. е. запрещенности уголовным законом. В подавляющем большинстве случаев при совершении умышленных преступлений исполнитель осознает их незаконность. В тоже время закон не включает осознание противоправности совершенного деяния в содержание данной формы вины, поэтому преступление может быть признано умышленным в тех (очень редких) случаях, когда виновный не осознавал противоправность совершенного деяния.

По преступлениям, с прямым умыслом, когда лицо осознает общественную опасность совершаемого деяния и его противоправность имеется судебная практика. Так например, Ленинским районным судом г.Магнитогорска Араскин обвиняется в совершении причинение тяжкого вреда здоровью, опасного для жизни человека, с применением предметов, используемых в качестве оружия. Араскин совершил преступление при следующих обстоятельствах: в ночь с 01 на 02 марта 2019 года Араскин Н.В. совместно с Н.Н.В. и Р.А.И. находились в квартире, принадлежащей Араскину Н.В., где распивали спиртные напитки. В ходе совместного распития спиртных напитков, между Араскиным Н.В. и Р.А.И. возник конфликт на почве личных неприязненных отношений, в ходе которого Араскин Н.В. стал в грубой форме выгонять Р.А.И. из своей квартиры. Р.А.И. оделся и вышел в подъезд дома. Араскин Н.В. подошел сзади к Р.А.И. и, имея умысел на причинение тяжкого вреда здоровью Р.А.И., умышленно нанес ему один удар кулаком по жизненно важному органу – голове, в область затылка. После чего Р.А.И. развернулся к Араскину Н.В. и между ними завязалась борьба, в ходе которой Араскин Н.В. и Р.А.И. толкая друг друга, держа друг друга за одежду, ввалились в коридор квартиры Араскина Н.В., где последний отпустил Р.А.И. и, испытывая к нему чувство личной неприязни, прошел в кухню. Взял нож и вышел в коридор. Р.А.И. в это время вышел из квартиры Араскина Н.В. и находился в подъезде. Когда он увидел приближающегося к нему с ножом

Араскина Н.В., то развернулся к Араскину Н.В. и попытался перехватить его руку с ножом, в результате чего между ними вновь завязалась борьба, в ходе которой оба ввалились в коридор квартиры, где Араскин Н.В., реализуя задуманное, применяя нож как предмет, используемый в качестве оружия, умышленно нанес им Р.А.И. не менее 4 ударов в живот и в область грудной клетки. Своими преступными действиями Араскин Н.В. причинил потерпевшему Р.А.И. ранение, причинившее тяжкий вред здоровью, опасный для жизни человека, по своему характеру непосредственно создающее угрозу для жизни человека (пункт 6.1.15 Медицинских критериев, утвержденных приказом Минздравсоцразвития РФ от 24.04.2008г № 194н, Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, утвержденных Постановлением Правительства РФ № 522 от 17.08.2007г); а также ранения, которые повлекли за собой кратковременное расстройства здоровья (менее 21 дня) и поэтому, как в совокупности, так и каждое в отдельности, расценивается как причинившие легкий вред здоровью (п.8.1. вышеуказанных Медицинских критериев и Правил). Проанализировав данный приговор можно прийти к выводу о том, что Араскин действовал умышленно (с прямым умыслом), так как осознавал, что наносит удары ножом в жизненно важные органы Р.А.И., предвидел возможность причинения тяжкого вреда здоровью и осознавал характер своих преступных действий. Об этом свидетельствует как способ и количество нанесения телесных повреждений – нанесение 4 ударов ножом в живот и грудную клетку слева, так и характер причинения вреда здоровью потерпевшего. Действия Араскина суд квалифицировал поп. «з» ч. 2 ст. 111 УК РФ¹.

Предвидение – это отражение в сознании тех событий, которые обязательно произойдут, должны или могут произойти в будущем. Предвидение подразумевает то что, виновный имеет мысленное представление о вреде, который он причинит или может причинить объекту посягательства.

¹Приговор № 1-303/2019 от 13 сентября 2019 г. по делу № 1-303/2019// (эл.ресурс) <https://sudact.ru/>

Предвидение в прямом умысле означает, во-первых, представление о фактическом содержании предстоящих изменений объекта посягательства, во-вторых, понимание их социальной значимости, то есть вреда обществу, и в-третьих, осознание причинно-следственной связи между действием или бездействием и общественно опасными последствиями.

Так, Варненский районный суд Челябинской области вынес приговор, согласно которому Троцко А.П. обвинялся в совершении преступления, предусмотренного ст.105 УК РФ. Около 19 часов 08 февраля 2019 года Исаев Р.Ш. и Троцко А.П. находились в хозяйственной постройке (летней кухне) где совместно распивали спиртные напитки. В ходе распития спиртных напитков между Исаевым Р.Ш. и Троцко А.П. произошел словесный конфликт, в ходе которого, на почве внезапно возникших личных неприязненных отношений, у Троцко А.П. возник преступный умысел, направленный на убийство Исаева Р.Ш. Реализуя свой преступный умысел, Троцко А.П., находясь в состоянии алкогольного опьянения, в указанное время в указанном месте, из личных неприязненных отношений, нанес не менее одного удара рукой в правую руку потерпевшего, после чего, вооружившись неустановленным следствием клинковым предметом, применяя его как предмет, используемый в качестве оружия, нанес им не менее 13 ударов в область расположения жизненно важных органов - голову и шею Исаева Р.Ш. Далее, продолжая реализацию своего преступного умысла, направленного на причинение смерти Исаеву Р.Ш., действуя умышленно по мотиву личной неприязни, вооружившись тупым твердым предметом - металлическим пестиком, предназначенным для измельчения твердых сыпучих продуктов, применяя его как предмет, используемый в качестве оружия, осознавая, что причинение телесных повреждений данным предметом потерпевшему неминуемо повлечет его смерть, нанес им не менее 13 ударов в область расположения жизненно важных органов - голову и шею Исаева Р.Ш. Характер, локализация, механизм образования телесных повреждений, имевших место у потерпевшего, с очевидностью указывают на то, что умысел подсудимого Троцко А.П. был направлен на

причинение смерти Исаева Р.Ш. Оценив данный приговор можно сделать вывод о том, что между действиями Троцко и преступным результатом имеется причинно-следственная связь, он осознавал на какой объект посягает и понимает что жизнь является значимым объектом, учитывая все обстоятельства можно сказать что Троцко предвидел наступления последствий в виде смерти Исаева¹.

В силу ст. 25 УК РФ: «преступление признается совершенным с прямым умыслом, если виновное лицо предвидело наступление последствий своих действия и желало их наступления, с косвенным умыслом – предвидело возможность наступления общественно опасных последствий, не желало, носознательно допускало эти последствия либо относилось к ним безразлично»².

В случаях, когда лицо способно предвидеть последствия своих действия в соответствии с ч. 3 ст. 26 УК РФ такая способность является одним из условий для того чтобы признать лицо виновным в совершении преступления по неосторожности в форме преступной небрежности.

Согласно ст. 307 УПК РФ: «Описательно-мотивировочная часть обвинительного приговора должна содержать: 1) описание преступного деяния, признанного судом доказанным, с указанием места, времени, способа его совершения, формы вины, мотивов, целей и последствий преступления»³. Данное положение говорит нам о том, что форму вины в судебном разбирательстве невозможно изменить. Изменение обвинения в судебном разбирательстве допускается, если оно не ухудшает положение подсудимого и не нарушает его право на защиту. В качестве примера можно привести преступление, предусмотренное ч. 4 ст. 111 УК РФ, в данном преступлении форма вины по отношению как к причинению тяжкого вреда здоровью, опасного для жизни человека, так и к смерти потерпевшего, подлежит доказыванию, она должна быть

¹Приговор № 1-43/2019 от 13 июня 2019 г. по делу № 1-43/2019// (эл ресурс) суд. акт. ру

²Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 07.04.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.04.2020) Ст. 25

³Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 24.04.2020) Ст. 307

указана в описательно-мотивировочной части, в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого, а также в обвинительном заключении. Как указывалось ранее изменение обвинения невозможно, если ухудшается положение лица, но есть статья исключение в соответствии со ст. 389.24 УПК РФ: «обвинительный приговор суда первой инстанции может быть изменен в сторону ухудшения положения осужденного не иначе как по представлению прокурора либо жалобе потерпевшего»¹.

Принимая во внимание требования закона о недопустимости ухудшения положения осужденного без соответствующих доводов стороны обвинения, судебная коллегия приходит к выводу, что апелляционное представление в части переквалификации действий осужденного на ч. 4 ст. 111 УК РФ удовлетворению не подлежит. Так, согласно обвинительному заключению, в ходе конфликта у Шагидуллина Л.Г. возник умысел на причинение телесных повреждений А. Э.М. Далее при описании субъективной стороны преступления органы предварительного следствия указали на наличие у осужденного умысла на причинение вреда здоровью А. Э.М. и телесных повреждений, не вменив таким образом умысел на причинение тяжкого вреда здоровью, опасного для жизни человека.

Кроме того, органы следствия вообще не указали форму вины Шагидуллина Л.Г. по отношению к наступлению смерти потерпевшего. Не указано в обвинительном заключении и на наличие причинно-следственной связи между действиями Шагидуллина Л.Г. и наступившими последствиями в виде кровоподтеков и ссадин лица А. Э.М., имеющих признаки легкого вреда здоровью, обнаруженных при судебно-медицинском исследовании. Вместе с тем изложенное в силу ст. 252 УПК РФ определяет пределы судебного разбирательства.

¹Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 24.04.2020)Ст. 389.24

Кроме того, обосновывая решение о квалификации содеянного осужденным по ч. 1 ст. 109 УК РФ, суд тем не менее в приговоре указал, что Шагидуллин Л.Г., совершая бросок А. Э.М. через себя, не мог предвидеть наступления смерти последнего, соответственно, в силу ст. 28 УК РФ суд фактически пришел к выводу о невиновном причинении смерти.

Между тем в апелляционном представлении с дополнениями прокурор, оспаривая правильность квалификации действий осужденного, данной судом первой инстанции, ссылаясь на несоответствие выводов суда фактическим обстоятельствам уголовного дела, неправильное применение УК РФ и существенное нарушение УПК РФ, обосновывает свои доводы лишь изложением исследованных в судебном заседании доказательств, полагая, что судом надлежащая оценка им не дана. Помимо этого обращает внимание на противоречия в выводах суда только относительно нанесения Шагидуллиным Л.Г. трех ударов головой потерпевшего об асфальт. Таким образом, фактически прокурором не оспаривается ни правильность предъявленного осужденному обвинения и изложенного в обвинительном заключении описания преступного деяния, признанного доказанным органами предварительного следствия, ни выводы суда первой инстанции о невиновном причинении смерти. Не ставит автор представления и вопрос о возвращении уголовного дела прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ. При таких обстоятельствах суд апелляционной инстанции лишен права по собственной инициативе решить вопрос о возвращении уголовного дела прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ, поскольку положение осужденного может быть ухудшено, что в силу закона при отсутствии соответствующих доводов является недопустимым.

Отсутствуют основания и для переквалификации действий осужденного на ч. 4 ст. 111 УК РФ либо оставления без изменения приговора в части осуждения Шагидуллина Л.Г. по ч. 1 ст. 109 УК РФ, в силу того, что каждое из этих преступлений предусматривает наступление последствий в виде причинения потерпевшему смерти по неосторожности, в то время как судом первой

инстанции установлено, что смерть потерпевшему причинена осужденным невиновно.

Таким образом, с учетом объема предъявленного Шагидуллину Л.Г. обвинения, никем не оспоренных выводов суда о том, что осужденный не мог предвидеть наступление смерти А. Э.М., судебная коллегия полагает возможным квалифицировать его действия, установленные приговором, только по ч. 1 ст. 118 УК РФ, как причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшего по неосторожности».¹

Другим примером может служить определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ по делу Ф. указано, что ее осуждение за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью является необоснованным, поскольку обстоятельства совершения преступления не позволяют утверждать, будто Ф. предвидела, что в результате ее действий потерпевшая упадет и получит закрытый перелом шейки левого бедра со смещением, поэтому квалификация деяния как умышленного преступления исключается. Совершая преступление Ф. не осознавала причинно-следственной связи между своими действиями и причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшей и не предвидела такого последствия, поэтому в данном случае исключаем прямой, да и вообще умысел.

Можно говорить о том, что предвидение общественно опасных последствий возможно только при совершении преступлений с материальным составом. Потому что в преступлениях с формальным составом последствия, как правило, не включаются в объективную сторону, ни интеллектуальное, ни волевое отношение к последствиям не входят в содержание умысла. В соответствии с законом (ч. 2 ст. 25 УК): «прямой умысел характеризуется, в частности, предвидением возможности или неизбежности наступления общественно опасных последствий, что составляет интеллектуальный элемент

¹ Дело № 10–3680/2015//суд акт. РФ (сайт указываем архив нельзя) 2015 г.

этого вида умысла»¹. Только в определенных случаях лицо, совершающее преступление с прямым умыслом, предвидит общественно опасные последствия не как неизбежные, а лишь как реально возможные. Такая ситуация возникает в том случае, когда избранный виновным лицом способ совершения преступления объективно способен с одинаковой вероятностью вызвать разноплановые последствия. Например, совершая преступление против ребенка, путем выбрасывания его с окна пятого этажа дома, лицо совершающее преступление понимает, что смерть, а также тяжесть любого увечья жертвы будут зависеть от обстоятельств падения (например, ветки деревьев или в снегу) столь же естественный результат этого преступления. В таких случаях желаемое последствие (смерть) является естественным, но не единственно возможным результатом выполненных действий, поэтому он предвидится не как неизбежный, а как реально возможный результат действия.

Волевой элемент прямого умысла характеризует направленность воли субъекта. Он определяется в законе как желание наступления общественно опасных последствий.

Желание – это, по сути, порыв к определенному результату. Но желание не означает, что последствия преступления будут угодны для виновного лица. Само по себе желание имеет разные психологические оттенки. При прямом умысле желание выражается в том, что лицо стремится к определенным последствиям, которые могут выступать в качестве: 1) конечной цели (убийство из ревности, по мотиву кровной мести); 2) промежуточного этапа (убийство с целью облегчить совершение другого преступления); 3) средства достижения цели (убийство с целью получения наследства); 4) необходимого сопутствующего элемента деяния (убийство путем взрыва, если вместе с намеченной жертвой неизбежно погибнут и другие люди).

¹Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 07.04.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.04.2020) Ст.25

Законодатель о прямом умысле говорит только о преступлениях с материальным составом, следовательно, желание связывается в нем только с общественно опасными последствиями.

Косвенный умысел в соответствии с законом (ч. 3 ст. 25 УК) имеет место: «если лицо, совершившее преступление, осознавало общественную опасность своего действия (или бездействия), предвидело возможность наступления общественно опасных последствий и, хотя и не желало, но сознательно допускало их либо относилось к ним безразлично»¹.

Осознание общественно опасного характера деяния виновным может быть, как при прямом, так и при косвенном умысле. Но характер предвидения общественно опасных последствий при прямом и при косвенном умысле не совпадает.

Уголовный кодекс говорит о том, что предвидение неизбежности наступления общественно опасных последствий исключительно с прямым умыслом (ч. 2 ст. 25). Косвенный умысел может лишь предвидеть только возможности наступления общественно опасных последствий (ч. 3 ст. 25 УК). В то же время субъект предвидит реальную возможность таких последствий¹, т. е. считает их естественным результатом развития причинно-следственной связи в данном конкретном случае. Таким образом, предвидение неизбежности преступных последствий исключает косвенный умысел.

Таким образом, интеллектуальный элемент косвенного умысла характеризуется осознанием общественной опасности совершенного деяния и предусмотрительность реальной возможности наступления общественно опасных последствий. Волевой элемент этого вида намерения характеризуется в законе как отсутствие желания, но сознательное допущение общественно опасного последствия или безразличие к ним (ч. 3 ст. 25 УК РФ). При косвенном умысле чаще всего возникает общественно опасное последствие просто

¹Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 07.04.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.04.2020) ч.3 ст.25 УК РФ

побочный продукт преступных действий преступника, а эти действия направлены на достижение иной цели, всегда находящейся за пределами масштабов этого преступления. Виновник не стремится к причинению вреда общественно опасные последствия.

В то же время упоминание законодателем об отсутствии желания причинить вредные последствия вовсе не означает нежелание указанных последствий, стремление их избежать (активное нежелание), а лишь подтверждает отсутствие прямой заинтересованности в их наступлении.

На самом деле сознательное предположение означает, что преступник причиняет своими действиями вред сознательно, то есть осмысленно, намеренно позволяет разработать причинно-следственную цепочку, которая приводит к наступлению общественно опасных последствий. Сознательное допущение это активное переживание, связанное с позитивным волевым отношением к последствиям, в которых виновный заранее соглашается на наступление общественно опасных последствий и готов принять их в качестве платы за достижение конечной цели преступления. Именно положительное, одобрительное отношение к последствиям сближает сознательное допущение с желанием, делает их разновидностями волевого содержания одной и той же формы вины.

Волевой момент косвенного умысла может проявляться и в безразличном отношении к наступлению общественно опасных последствий. Это, в сущности, мало чем отличается от сознательного предположения и означает отсутствие активных эмоциональных переживаний в общественных отношениях в связи с опасными последствиями, реальная возможность которых отражается в опережающем сознании виновного лица. В данном случае речь идет об отношении субъекта к последствиям, он наносит вред общественным отношениям, что называется "не думая" о последствиях совершенного деяния, хотя возможность наступления последствий кажется ему вполне реальной.

Прямой и косвенный умысел – это виды одной и той же формы вины, поэтому между ними много общего. Интеллектуальный элемент обоих видов умысла

характеризуется осознанием общественной опасности совершаемого деяния и предвидением его общественно опасных последствий. Общим для волевого элемента прямого и косвенного умысла является положительное, одобрительное отношение к наступлению предвидимых общественно опасных последствий.

Различие в содержании интеллектуального элемента прямого и косвенного умысла состоит в неодинаковом характере предвидения последствий. Если прямой умысел характеризуется предвидением, как правило, неизбежности, а иногда реальной возможности наступления общественно опасных последствий, то косвенному умыслу присуще предвидение только реальной возможности наступления таких последствий. Но главное различие между прямым и косвенным умыслом заключается в следующем, различен характер волевого отношения субъекта к последствиям. Положительное отношение к ним с прямым намерением выражается в желании, а с косвенным умыслом - в сознательном предположении или в безразличном отношении.

Установление вида умысла очень важно для правильной квалификации преступления. «Законодательное деление умысла на прямой и косвенный имеет немалое практическое значение. Особое значение установления умысла имеет для такого института уголовного права как соучастие. Так, по общему правилу, исходя из признаков соучастия, преступления совершаются с прямым умыслом, поскольку объединение психических и физических усилий нескольких лиц для совершения преступления трудно себе представить без соответствующего желания.

При соучастии имеет место согласованная и целенаправленная деятельность для достижения желаемой цели – преступного результата. Такие субъективные признаки характерны именно для прямого умысла. Однако теория и практика признают возможность соучастия и с косвенным умыслом, например при исполнительстве и пособничестве.

Примером может служить приговор, вынесенный по одному из уголовных дел Красноглинским районным судом г.Самары, С. и И., находясь в состоянии

опьянения, договорились совершить хищение икон и старинных книг из дома 76-летней А. Проникнув в дом, они напали на нее, связали и вставили в рот кляп. Поскольку А. оказала активное сопротивление, С. нанес ей несколько ударов ногами по голове и телу, причинив тяжкий вред здоровью в виде перелома костей носа, скуловых костей и основания черепа. В результате механической асфиксии, резвившейся вследствие введения С. тряпичного кляпа в рот потерпевшей А, последняя скончалась на месте происшествия. Это преступление было правильно квалифицировано как совершенное с косвенным умыслом».¹

Проанализировав данный приговор можно прийти к выводу о том, согласно ст. 32 УК РФ: «соучастием признается умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении умышленного преступления»². То, что при этом умысел соучастников может быть только прямым, в законе не оговаривается».³ Следовательно, деяние совершенное С. и И. квалифицировано судом верно.

"Однако в науке уголовного права уже давно существует дилемма о том, какой умысел должен быть в соучастии: только прямой или, может быть, косвенный? Законодатель, формулируя форму вины в соучастии, использует термин "умышленная", тем самым допуская как прямой, так и косвенный умысел.

Сторонники данной позиции, отстаивая свою точку зрения, приводят следующие аргументы. В.С. Комиссаров утверждает: «соучастие с косвенным умыслом возможно при исполнительстве и пособничестве, а также при совершении преступлений, в которых допускается прямой и косвенный умысел»⁴.

¹ Алексеев, С.В. Структура субъективных признаков группового преступления / С.В. Алексеев / Российский юридический журнал. 2010. № 6. С. 106.

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 07.04.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.04.2020) Ст.32

³ Кассационное определение Верховного Суда РФ от 17.12.2008 № 37 008 25 из архива Верховного суда РФ за 2008 г.

⁴ В.С. Комиссаров 2-е изд. Москва: Статут, 2014. С.150

А.В. Наумов указывает, что «соучастие с косвенным умыслом возможно только в материальных составах, при формальном составе умысел должен быть только прямой».¹

А.Ф. Зелинский отмечает, что: «необходимо различать субъективное психическое отношение лица к последствиям совершаемого в соучастии преступления и психическое отношение соучастника к самому факту присоединения к преступной деятельности других лиц. Если форму вины соучастников определять исходя из отношения к последствиям совместно совершаемого преступления, то следует признать, что вина может быть в виде как прямого, так и косвенного умысла»². Однако некоторые авторы полагают, что соучастие возможно только при наличии прямого умысла.

Так, Ф.Г. Бурчак указывал, что: «при совершении преступления с косвенным умыслом лицо совершает его для достижения желаемого результата, при этом понимая, что своими действиями вызывает и побочный результат»³.

М.И. Ковалев, отстаивая свою позицию, утверждал, что: «конструктивным моментом умысла соучастников является намерение совершить преступление или участвовать в его совершении. Намерение возбудить в другом лице решимость совершить преступление или содействовать ему всегда свидетельствует о наличии у соучастников прямого умысла независимо от целей и мотивов, сопутствующих ему».⁴ Деление умысла на прямой и косвенный необходимо для квалификации преступлений, законодательное описание которых предполагает только прямой умысел.

С данной позицией умысла соглашается и А.В. Шеслер. Также деление умысла на прямой и косвенный необходимо для квалификации преступлений, само законодательное описание которых предполагает только зная прямой реальность умысел.

¹ Алексеев, С.В. Указ.соч. С. 107.

² Кантимир А.И. Объективные и субъективные признаки соучастия

³ Алексеев, С.В. Структура субъективных признаков группового преступления /С.В. Алексеев / Российский юридический журнал.2010.С. 132

⁴ Алексеев, С.В. Указ.соч. С. 111.

Например, мировым судьей судебного участка № 2 города Снежинска Челябинской области Денисенко А.В. осужден за незаконное проникновение в жилище, совершенное против воли проживающего в нем лица, с применением насилия к К.Т.Н.

В апелляционном порядке приговор оставлен без изменения.

В кассационной жалобе осужденный просил об отмене состоявшихся по делу судебных решений и прекращении в отношении него уголовного дела в связи с невиновностью. Денисенко А.В. полагал, что данное уголовное дело расследовано и рассмотрено с нарушениями уголовного и уголовно-процессуального законов.

При этом Денисенко А.В. утверждал, что в квартиру потерпевшей не проникал, побои ей не наносил. Органы следствия не захотели устанавливать истину по делу и искать настоящего виновного. Осужденный настаивает на том, что в ночь с 18 на 19 октября 2013 года он находился вместе со знакомой П.О.Ф. на своем садовом участке. Обвинительный приговор постановлен только на показаниях потерпевшей и ее дочери, которые должным образом не проверены. Свидетель К.М.Ю. дала показания со слов К.Т.Н., достоверность этих показаний, по мнению осужденного, также вызывает сомнения. Кроме того, Денисенко А.В. отмечал, что потерпевшая на следствии и в суде говорила в основном о причиненных ей побоях. С заявлением о привлечении его к ответственности за незаконное проникновение в ее квартиру К.Т.Н. обратилась лишь после предложения сотрудников правоохранительных органов. В этой связи осужденный указывает, что субъективная сторона преступления, предусмотренного ст. 139 УК РФ, предполагает наличие только прямого умысла. Когда виновный осознает, что нарушает неприкосновенность жилища и желает этого. Факты, установленные по делу, по мнению осужденного, указывают на то, что гражданин шел к себе домой и до последнего момента не понимал, что ошибся. Поэтому в данном случае виновный не осознавал, что нарушает неприкосновенность чужого жилища. В квартиру потерпевших он вошел как в

свою и выгонял их, применяянасилие, как из своей квартиры. В таких действиях составпреступления, предусмотренного ст. 139 УК РФ, отсутствует.

Проверив материалы дела, суд кассационной инстанции решил, что кассационная жалоба подлежитчастичному удовлетворению, а судебные решения – изменению по следующимоснованиям: «Как усматривается из материалов дела и установлено в приговоре, осужденный, находясь в состоянии алкогольного опьянения, подошел к входной двериквартиры г. Снежинске, в которойпроживает семья К. Заблуждаясь в том, что указаннаяквартира принадлежит ему и он в ней проживает, Денисенко А.В. попытался открыть ключом от своейквартиры замок входнойдвери квартиры потерпевшей. Далее он требовал открыть ему двери, дергал двернуюручку, звонил в звонок. Когда потерпевшая открылазамок, осужденный с силой дернул дверь на себя и вошел в квартиру, применивнасилие к К.Т.Н. Органы предварительногоследствия и мировой судьяквалифицировалиэти действия Денисенко А.В. как незаконное проникновение в жилище, совершенное против волипроживающего в нем лица, с применением насилия.

Суд апелляционной инстанции, рассматривая жалобу осужденного, пришел к выводу, что виновный, входя в квартиру К.Т.Н. и применяя к ней насилие, осознавал, что проникает в чужую квартиру. В подтверждениевиновности Денисенко А.В. в совершенииуказанного преступления судебныеинстанции сослались на показанияпотерпевшей К.Т.Н., свидетелей К.Е.А., К.М.Ю. и других, а также на письменные доказательства.

Так, из показаний потерпевшей следует, что осужденный неоднократно спрашивал у нее и дочери, что они делают в его квартире. А когда они сообщили ему номерквартиры, он начал извиняться, сказал, что ошибся, послечего убежал. Свидетель К.Е.А. подтвердила показания потерпевшей, дополнив, что, когда ей с мамойудалось вытолкнуть мужчину из квартиры на лестничную площадку, он спросил их «какая это квартира». Они ему ответили «81», послеэтого мужчина упал на колени, начал извиняться, а потом убежал. Внешностьэтого мужчины она хорошозапомнила. Из показаний свидетеля К.М.Ю. видно, что ее квартира

расположена на одной площадке с квартирой потерпевшей. Ночью 19 октября 2013 года она, услышав крики, подошла к двери и посмотрела в глазок. На лестничной площадке она увидела соседку К.Т.Н., ее дочь и незнакомого мужчину, который ушел по слову потерпевшей о вызове полиции. Впоследствии потерпевшая, свидетели К.Е.А. и К.М.Ю. уверенно опознали Денисенко А.В., заявив, что именно он в ночь на 19 октября 2013 года совершил преступные действия

Версия Денисенко А.В. о его непричастности к преступлению, совершенному в отношении К.Т.Н., тщательно проверялась в ходе разбирательства по делу, обоснованно опровергнута с приведением убедительных мотивов, не согласиться с которыми нельзя. Всем доказательствам стороны защиты дана надлежащая оценка. Анализ указанных выше доказательств и других доказательств, приведенных в приговоре, а также сведения о расположении квартиры потерпевшей и квартиры осужденного в соседних домах в угловых подъездах в совокупности подтверждают вывод мирового судьи о том, что осужденный перепутал квартиры.

В то же время мировой судья в нарушение ст. 73 УПК РФ не установил форму вины и мотивы содеянного, не дал оценку тому, что преступление, предусмотренное ст. 139 УК РФ, совершается только с прямым умыслом, когда виновный осознает, что нарушает неприкосновенность жилища, и желает совершить указанные действия. Между тем из показаний потерпевшей и свидетелей нельзя сделать вывод о наличии у осужденного прямого умысла на незаконное проникновение в чужое жилище. По делу, бесспорно, установлено, что Денисенко А.В. умысла на нарушение неприкосновенности жилища семьи К. не имел. В силу своего состояния он полагал, что пришел в свою квартиру.

Суд апелляционной инстанции, сделав вывод о наличии у осужденного прямого умысла на совершение указанного преступления, в свою очередь, предположил, что Денисенко А.В. не мог не заметить номер квартиры и наличие на лестничной площадке справа еще одной квартиры, которой нет рядом с его квартирой. В данном случае этот вывод противоречит положениям ч. 2 ст.

302 УПК РФ о том, что обвинительный приговор не может быть основан на предположениях и постановляется лишь при условии, что в ходе судебного разбирательства виновность подсудимого в совершении преступления подтверждена совокупностью исследованных судом доказательств.

В связи с изложенным необходимо сделать вывод о том, что в действиях Денисенко А.В. отсутствует состав преступления, предусмотренный ст. 139 УК РФ. В то же время мировым судьей и судом апелляционной инстанции исследованы все собранные по делу доказательства, допрошены все участники процесса, установлены все имеющие значение обстоятельства, направления уголовного дела на новое судебное разбирательство не требуется. Находящиеся в деле материалы являются достаточными для правовой оценки действий Денисенко А.В. по применению насилия и принятия решения по существу.

Так, совокупность имеющихся доказательств указывает на то, что Денисенко А.В. умышленно толкнул К.Т.Н., причинив ей согласно предъявленному обвинению и заключению судебно-медицинского эксперта ушибы мягких тканей и кровоподтеки левого плечевого сустава, правого плечевого сустава, правого предплечья, которые не причинили вреда здоровью. Данные преступные действия Денисенко А.В. совершил с прямым умыслом, с силой оттолкнув К.Т.Н. вглубь квартиры, он предвидел возможность причинения ей физической боли и желал этого. Потерпевшая в этот момент не предпринимала каких-либо действий, требующих применения к ней физической силы (фактически не успела воспрепятствовать его вхождению в квартиру), что было очевидно для вины, даже несмотря на заблуждение осужденного в том, что в его квартире находятся посторонние люди.

Таким образом, действия осужденного необходимо правильно квалифицировать по ч. 1 ст. 116 УК РФ – как совершение иных насильственных действий, причинивших физическую боль, но не повлекших последствий, указанных в ст. 115 УК РФ».¹

¹ Дело № 44у-159/2014// Архив Челябинского областного суда за 2014 г.

Также в рамках настоящего параграфа полагаем, что «целесообразно рассмотреть вопрос практической ценности широко известного правила об ответственности либо за наступивший результат (при косвенномумысле), либо за желаемый результат (при прямомумысле). Можно констатировать, что оно не применимо к составам, сконструированным по типу формальных, а также к таким материальным, где отсутствиенаступивших последствий исключает привлечение лица к уголовнойответственности».¹

«Действительно, в составах сконструированных по типу формальных, установление и оценка последствий требуется, только если они предусмотрены частями статьи Особенной части УК РФ или ст. 63 Общей части УК РФ в качестве отягчающих ответственность (квалифицирующих) обстоятельств.

Знание о форме вины по отношению к указанным последствиям позволяет определить, имеет ли место идеальная совокупность с другим умышленным преступлением (например, разбой, соединенный с умышленным причинением тяжкого вреда здоровью, повлекшим по неосторожности смерть потерпевшего) или же дополнительные вредные последствия охватываются основным составом (например, разбой, в ходе которого был неосторожно причинен тяжкий вред здоровью) или квалифицирующим признаком статьи (например, разбой, соединенный с умышленным причинением тяжкого вреда здоровью). Поэтому отсутствие прямых указаний законодателя на умышленность или неосторожность в отношении квалифицирующих признаков создает дополнительные трудности для правоприменительной практики».²

Что же касается непосредственно прямого и косвенного умысла по отношению к дополнительным тяжким последствиям в составах, сконструированных по типу формальных, то «сама формулировка отягчающих признаков здесь предполагает либо их наличие, даже при выполнении лишь части объективной стороны (например, совершенное в особо крупном размере, с применением насилия, повлекшее разрушения предметов, имеющих особую

¹ Кораблева, С.Ю. Указ. соч. С. 57.

² Акимочкин, В.И., Кораблева, С.Ю. Виды умысла и их влияние на квалификацию / В.И. Акимочкин, С.Ю. Кораблева // Бизнес в законе. 2012. № 2. С. 124.

ценность и т. п.), либо включение их в цель деяние. Следовательно, установление вида умысла представляет теоретический интерес, но на квалификацию не влияет».¹

Относительно возможности применения правила об ответственности в зависимости от вида умысла к материальным составам, в которых отсутствие наступивших последствий исключает привлечение лица к уголовной ответственности, необходимо отметить следующее. В связи с трудностью отграничения этих преступлений от непроступного поведения уголовно-правовое значение приобретает только стадия оконченного преступления с наступившими последствиями. «Теоретически, как и любая человеческая деятельность, все эти преступные деяния проходят через стадии приготовления и покушения, но здесь, как правило, не представляется возможным собрать достаточные доказательства, которые позволяют утверждать факт приготовления или покушения. Например, при покушении на злоупотребление должностными полномочиями. Если имеет место наступление последствий, предусмотренных ч. 1 ст. 285 УК РФ, то лицо подлежит ответственности только за фактически причиненный вред правам и (или) интересам человека, общества или государства. Если же нет, то имеет место дисциплинарный проступок, даже если должностное лицо, например, пояснит, что его злоупотребления были направлены на то, чтобы отключить жалующимся на него жильцам отопление в морозы.

Итак, только в отношении лишь менее чем десяти составов (убийство, причинение вреда здоровью различной тяжести, хищение и некоторые составы, являющиеся специальными по отношению к перечисленным выше) существует реальная практическая ценность разграничения прямого и косвенного умысла».²

Но и здесь правило об ответственности в зависимости от вида умысла не универсально.

Следует отметить, что вдумчивого применения требует и частное по отношению к правилу об ответственности в зависимости от вида умысла широко

¹ Акимочкин, В.И. Указ. соч. С. 125.

² Акимочкин, В.И. Указ. соч. С. 125.

известное утверждение о невозможности покушения с косвенным умыслом. Так, В.В. Лунеев как пример косвенного умысла приводит следующую ситуацию: «Убегая из-под стражи, виновный стреляет в преследующего его милиционера и убивает его, хотя он не желал его смерти, а лишь стремился таким путем уйти от задержания. Но, стреляя в преследования, он субъективно допускал, что может убить или тяжело ранить его, либо относился к таким последствиям безразлично, полагаясь на то, как получится, лишь бы избежать задержания».¹ Здесь квалификация не вызывает сомнения. Не вызывает проблем и ситуация, если виновный промахивается, ибо предполагает, что он и не стремился к причинению вреда.

Но предположим, что преследующих милиционеров два и одного он убивает, а в отношении второго промахивается. В таком случае используется представляется разумной квалификация деяния как покушение на убийство двух и более лиц, хотя можно утверждать, что психическое отношение виновного к смерти милиционеров во всех трех случаях если не идентично, то схоже. Меняется лишь степень объективизации вины, которая позволяет добавить в формулу изначально презюмируемого косвенного умысла элементы: «не только сознательно допускал возможность их смерти, но и желал ее» или «этот возможный результат входил в намерение виновного», – и рассматривать действия виновного как покушение.

Теперь обратимся к квалификации деяния в зависимости от степени определенности умысла и рассмотрим вопрос о юридическом значении прямого неопределенного умысла в тех случаях, когда преступные действия виновного не привели ни к одному из желаемых им последствий или вызвали не наиболее тяжкое последствие. В юридической литературе можно найти косвенный ответ: «Преступление, совершенное с определенным альтернативным (неопределенным) умыслом, следует квалифицировать как умышленное причинение именно тех последствий, которые фактически наступили».² Либо: «При

¹ Лунеев, В.В. Субъективное вменение / В.В. Лунеев. М.: Спарк, 2000. С. 38.

² Рарог, А.И. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: Учебник / под ред.

неопределенном умыслесодеянное квалифицируется по фактически наступившему результату. При покушении на преступление с альтернативным умыслесодеянное квалифицируется как покушение на преступление, наименьшее по степени тяжести».¹

В действительности «легкость» такого решения является его единственным достоинством. Во-первых, в отношении прямого неопределенного умысла оно противоречит анализируемому выше универсальному правилу об ответственности в соответствии с его содержанием и направленностью.

Во-вторых, оно совершенно не применимо к неоконченным хищениям. Если нет доказательств того, что сознанием виновного определен конкретный предмет хищения, то налицо прямой неопределенный умысел. Последствия не наступили, но лицо подлежит уголовной ответственности вопреки правилу о квалификации по результату при неопределенном умысле: «При квалификации покушения следует иметь в виду, что покушение возможно не только с определенным, но и (хотя крайне редко) с неопределенным (не конкретизированным) умыслом... Так, неудачно взламывая сейф и не зная о размере находящейся в нем суммы денег, лицо должно нести ответственность за покушение на простую кражу».²

В-третьих, даже в случае совершения деяния, направленного на причинение вреда здоровью (жизни), подобное решение возможно лишь для косвенного умысла, где действительно «необоснованной будет презумпция того, что воля субъекта направлена на достижение более тяжких последствий» и вообще какого-либо преступного результата. При прямом даже неопределенном умысле воля направлена на вред, даже если преступные намерения и не конкретизированы, что подтверждается законодательной формулой желая наступления последствий. Например, потерпевшего не просто бросили беспомощным на морозе, но еще и связали, заперли или кинули в ледяную воду. Более того степень объективизации

Л.В. Иногамовой-Хегай, А.И. Рарога, А.И. Чучаева. М.: КОНТРАКТ, ИНФРА М, 2009. С. 152.

¹ Уголовное право России. Общая часть: Учебник / под ред. В.П. Ревина. М.: Юстицинформ, 2009. С. 245.

² Настольная книга судьи по уголовным делам / под ред. А.И. Рарога. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2007. С. 100.

(осуществления) прямого умысла, в том числе неопределенного или альтернативного, может быть различной. И это тоже должно учитываться при формулировании подходящего правила квалификации.

Судебная практика, в тех случаях, когда деяние и, соответственно, воля виновного направлены на причинение вреда, а умысел объективировался настолько, что позволяет судить о предвидении и желании, в том числе, смерти потерпевшего, последовательно использует формулу покушения на убийство, вне зависимости от реально наступивших последствий. Анализ судебной практики позволяет высказать предположение, что в судебной практике прямой даже неопределенный умысел практически никогда не сочетается с квалификацией по причиненному вреду.¹

Так, Президиум Верховного Суда РФ согласился с выводом Кировского областного суда о наличии признаков покушения на убийство в действиях Б., нанесшего потерпевшему Н. около четырех ударов топором в область головы. И хотя в результате умышленных действий Б. Н. был причинен тяжкий вред здоровью, сам виновный последовательно отрицал умысел на убийство и в деле отсутствуют обстоятельства, свидетельствующие о том, что причинение смерти было единственной целью преступника, суд, исходя из характера действий и локализации телесных повреждений, пришел к выводу, что этот возможный результат входил в намерение виновного, и квалифицировал деяние как покушение на убийство.

Иркутский областной суд квалифицировал как покушение на убийство действия С. и Я., которые подожгли дом, где находились потерпевшие, дополнительно закрыв дверь и фанерным щитом окно. Двое из потерпевших выбрались из дома. Однако в суде не ставился вопрос: желали ли виновные только смерти или же удовлетворялись и менее тяжкими последствиями, хотя

¹ Дело № 10–6918/2015//Архив Челябинского областного суда за 2015 г.; Дело № 10–3089/2015//Архив Челябинского областного суда за 2015 г.; Дело № 44у–106/2015// Архив Челябинского областного суда за 2015 г.; Дело № 10–5296/2015//Архив Челябинского областного суда за 2015 г.; Дело № 10–791/2015//Архив Челябинского областного суда за 2015 г.; Дело № 10–5648/2015//Архив Челябинского областного суда за 2015 г.; Дело № 10–1102/2015//Архив Челябинского областного суда за 2015 г.

по обстановке происшедшего такой вывод представляется вполне вероятным (спасшиеся потерпевшие были оставлены в сознании). У суда имелись все основания считать, что С. и Я., совершая дополнительные действия с тем, чтобы никто из потерпевших не вышел из дома, не только сознательно допускали возможность их смерти, но и желали ее.¹

Еще один пример.

Согласно приговору Ушаков В.А. признан виновным в покушении на убийство потерпевшего, которому на почве личных неприязненных отношений в промежуток времени между 10 час. 30 мин. и 11 час. 06 ноября 2010 года нанес два удара ножом в шею, до этого сдавливал шею потерпевшего рукой, высказывая угрозы убийством. Потерпевший смог вырваться и убежать, обратившись за помощью к охраннику. События произошли в комнате знакомой потерпевшего, где временно проживали Ушаков В.А. и потерпевший. Суд кассационной инстанции указал: «Действия Ушакова правильно квалифицированы как покушение на убийство, исходя из конкретных обстоятельств совершения преступления, поведения осужденного, высказывавшего не только словесные угрозы потерпевшему, но и нанесшего два удара ножом в жизненно-важную область – шею. Удары были достаточно сильными, о чем свидетельствует описание полученных ранений и наступившие последствия - нахождение на стационарном излечении до 15 ноября 2010 года. Более серьезный вред здоровью потерпевшего не был нанесен, поскольку потерпевший сумел вырваться от Ушакова и обратиться за помощью к третьим лицам, а также вследствие оказания своевременной медицинской помощи».²

Другой пример. Дудушкин А.Г. признан виновным в том, что 19 февраля 2015 года в г. Златоуст Челябинской области находясь в состоянии алкогольного опьянения совершил покушение на убийство потерпевшего. В апелляционной жалобе адвокат Валеев В.У. просил приговор изменить путем перекалфикации действий осужденного на ч. 1 ст. 111 УК РФ и смягчить назначенное наказание.

¹ Определение Верховного Суда РФ от 19.04.2007 г. № 66 о06 147//Архив Верховного Суда РФ за 2007 г.

² Дело № 22 9704/2011//Архив Челябинского областного суда за 2011 г.

Указывает, что вывод суда об умыслеосужденного на убийствооснован на предположениях, и опровергается как показаниями Дудушкина А.Г., так и показаниями потерпевшего и свидетелей, из которых следует, что Дудушкин А.Г. наносил удары ножом в темноте и не видел, в какую часть тела потерпевшего они приходятся.

После нанесенных ударов Дудушкин А.Г. видел, что потерпевший жив, однако не предпринял действий, направленных на причинение ему смерти. Дудушкин А.Г. намеревался отвезти потерпевшего домой на такси, для чего вывел потерпевшего на улицу. Затем у Дудушкина А.Г. произошла драка с потерпевшим, и дальнейших событий осужденный не помнит. Данные обстоятельства, по мнению автора апелляционной жалобы, свидетельствуют об отсутствии у осужденного умысла на убийство потерпевшего.. Суд второй инстанции указал: «Доводы стороны защиты о том, что Дудушкин А.Г. не видел, куда наносит удары ножом, об отсутствии у осужденного умысла на убийство потерпевшего, и как следствие – неправильной квалификации его действий, являлись предметом проверки суда первой инстанции и были опровергнуты совокупностью исследованных доказательств.

Так, из показаний Дудушкина А.Г., данных в ходе предварительного расследования, следует, что он нанес потерпевшему удары ножом в область груди и переднюю часть тела.

В ходе следственного эксперимента Дудушкин А.Г. продемонстрировал, как нанес потерпевшему удары в область грудной клетки и живота. В явке с повинной Дудушкин А.Г. указал, что нанес потерпевшему удары ножом в область грудной клетки.

При таких обстоятельствах довод стороны защиты о том, что Дудушкин А.Г. в темноте не видел, куда им наносились удары, был обоснованно признан судом несостоятельным. Суд пришел к правильному выводу о том, что об умысле Дудушкина А.Г. на убийство потерпевшего свидетельствуют количество и локализация нанесенных ударов, а также последующие действия осужденного, который не принял мер к оказанию помощи потерпевшему.

То, что Дудушкин А.Г. прекратил нанесение потерпевшему ударов ножом, на что обращает внимание сторона защиты, не опровергает вывод суда о наличии у осужденного умысла на убийство.

Дудушкин А.Г. понимал, что нанес множество ударов в жизненно-важные части тела потерпевшего, не сообщил об этом окружающим или в медицинское учреждение, что, в совокупности, свидетельствует об умысле на причинение потерпевшему смерти.

При этом то обстоятельство, что умысел Дудушкина А.Г. на убийство не был доведен до конца по независящим от него обстоятельствам, а именно в результате своевременного оказания потерпевшему медицинской помощи, не дает оснований для переквалификации действий осужденного на ст. 111 УК РФ, на чем настаивает сторона защиты».

Анализ практики показывает, что суд квалифицирует деяние в зависимости от причиненного вреда в небольшом количестве дел и только если имеет место косвенный (неопределенный) умысел.¹ Например, если характер ран свидетельствует о слабых ударах ножом, или лицо, причинив незначительный вред и имея реальную возможность продолжить избиение, покидает место происшествия.

Представляется, что при квалификации деяний, совершенных с неопределенным умыслом, следует использовать дифференцированный подход, учитывая в совокупности степень объективизации умысла, вид нанесенного вреда и планомерность действий. Он, хотя и подразумевает большее судебское усмотрение, является более предпочтительным, чем предлагаемые уголовно-правовой литературой традиционные правила, которые не применимы к хищениям и весьма сомнительны для использования при квалификации преступлений против жизни и здоровья.

Помимо сказанного отметим, что деление умысла на прямой и косвенный позволяет правильно определить степень вины, степень общественной опасности

¹ Дело № 10–4716/2015//Архив Челябинского областного суда за 2015 г.

деяния и личность виновного, а также необходимо для индивидуализации наказания.

2.2 Влияние прочих видов умысла на квалификацию преступлений

Уголовный кодекс Российской Федерации (далее УК РФ), кроме разграничения на прямой и косвенный, не содержит описания еще какихлибо видов умысла.

Тем не менее, теория уголовного права и судебная практика в целях правильной и обоснованной квалификации разработала дифференциацию умысла еще по двум основаниям: по времени возникновения и степени определенности.

В первом случае умысел подразделяется на заранее обдуманный и внезапно возникший.¹

Следует отметить, что практическое значение выделенных видов умысла неодинаково. Заранее обдуманный умысел выступает в законе как атрибут институтов приготовления, предварительного сговора и организованной группы, не возможных без такого вида умысла, но никаких самостоятельных функций (юридических последствий) не имеет.

Разновидностью внезапно возникшего умысла является аффектированный умысел, указания на который содержатся в уголовном законе.

В статьях Особенной части УК РФ указание на аффектированный умысел встречается дважды. С его использованием построены составы привилегированного убийства – ст. 107 «Убийство, совершенное в состоянии аффекта» и статья «Причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью в состоянии аффекта» (ст. 113 УК РФ). Некоторые авторы также указывают, что о кумулятивном аффекте речь идет в ст. 106 УК РФ – убийство материю новорожденного ребенка в условиях психотравмирующей ситуации.²

Аффект как конструктивный элемент состава преступления, предусмотренного ст. 107 и ст. 113 УК РФ, непосредственно связывается с

¹ Дело № 2 9/2012//Архив Верховного Суда Карачаево-Черкесской республики за 2012 г.

² Дело № 22 1568/2011//Архив Челябинского областного суда за 2011 г.; Дело № 22 6820/2011//Архив Челябинского областного суда за 2011 г.; Дело № 10 4652/2013//Архива Челябинского областного суда за 2013 г.; Дело № 10 6169/2013//Архив Челябинского областного суда за 2013 г.

определенным неправомерным поведением потерпевшего: насилием, тяжким оскорблением и иными противозаконными действиями.

Указанные действия потерпевшего – необходимое условие возникновения аффекта виновного в данных составах преступления.

Вывод о совершении преступления в состоянии аффекта может быть сделан только в результате комплексного исследования конкретных отрицательных действий виновного, степени реагирования на соответствующую обиду, нанесенную потерпевшим, в момент совершения преступления. Изучив уголовные дела по совершению аффектированных преступлений, мы пришли к выводу, что отсутствует определенное понимание сущности тяжкого оскорбления, а именно в приговорах сделана ссылка на то, что потерпевший тяжело оскорбил обвиняемого, но сущность указанного термина не раскрывается.¹

Вместе с тем ясно, что суды считают тяжким не всякое оскорбление. Однако конкретных признаков тяжести не дается.

Среди ученых юристов ведутся споры по поводу того, «с прямым или косвенным умыслом может быть совершено преступление в состоянии аффекта. В.Н. Ткаченко считает, что аффектированный умысел является разновидностью косвенного, поскольку возникает внезапно, препятствуя возможности контролировать свои поступки и регулировать их интенсивность».²

М.И. Дубинина утверждает, что «анализ преступлений, совершаемых в состоянии аффекта, свидетельствует о том, что виновный предвидит (в общем виде) наступление общественно опасных последствий, выражающихся в причинении физического вреда личности, и желает их наступления, так как эти последствия являются целью его действий. Такие психические признаки характерны только для прямого умысла».

¹ Красиков, А.Н. Преступления против личности. Учебное пособие для студентов учебных заведений юридического профиля / А.Н. Красиков. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та., 1999. С. 36.

² Ткаченко, В.Н. Квалификация убийства и причинение тяжких последствий, совершенных в состоянии сильного душевного волнения / В.Н. Ткаченко // Вопросы криминалистики. 1967. № 12. С. 79.

Большинство же исследователей полагают, что «аффектированный умысел включает в себя интеллектуальный и волевые моменты не только косвенного, но и прямого (конкретизированного и неконкретизированного) умысла.

Следует подчеркнуть, что «в данном случае речь идет не о чисто теоретической проблеме. Так, если аффектированный умысел признать разновидностью только косвенного, то, по общему правилу, это синонимично невозможности покушения на преступление с аффектированным умыслом, а преступления, включающие признаки осмысленного приготовления, автоматически выпадают из числа совершаемых в состоянии аффекта».¹

В постановлениях пленума Верховного суда не затрагиваются вопросы аффективного умысла стороной, за исключением указания на то, что «По смыслу закона убийство не должно рассматриваться как совершенное при квалифицирующих признаках... если оно было совершено внезапно возникшего сильного эмоционального волнения» (п. 16 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийствах »(ст. 105 УК РФ))".

«В теории уголовного права определение аффекта кажется более или менее устоявшимся. Аффект - это бурный и непродолжительный эмоциональный процесс, который влияет на сознание и деятельность человека и сопровождается изменениями в двигательной, эндокринной, сердечно-сосудистой деятельности. и другие системы организма ".

Такое определение впервые основано на положениях психологии тридцать лет назад. А во-вторых, оно не включает ни отношения воздействия с «состоянием внезапного сильного эмоционального нарушения», используемого в законе, ни трехфазную динамику хода эмоциональных реакций, которая обязательно устанавливается медицинским психологическим обследованием для выявления эмоционального расстройства. Это не позволяет установить четкие юридические и психологические пределы воздействия. Вот почему различные

¹ Акимочкин, В.И. Указ. соч. С. 125.

авторы и практические работники, даже используя сходные определения, признают прямо противоположные версии своего семантического восприятия и связывают неодинаковое лингвистическое значение в тексте ст. 107 и 113 УК РФ. Например, один комментарий гласит, что «аффект рассматривается только как психиатрическая характеристика состояния преступника во время убийства, что служит одним из доказательств его сильного душевного волнения. Однако это очень сильное душевное волнение не может сопровождаться аффектом».¹ И согласно другому источнику: «В литературе высказано мнение, что в новом Кодексе предполагается принять более широкий стандарт, что в корне неверно - смягчающим обстоятельством признается не только аффект, но и любое состояние, возникшее в ответ на противоправное или аморальное поведение потерпевшего, явившееся поводом для преступления».²

С.В. Дубовиченко уверен, что «нельзя согласиться с предложением рассматривать аффект в качестве обстоятельства, смягчающего наказание, без сочетания с противоправным или аморальным поведением потерпевшего. В случае принятия такой новеллы, придется снижать наказания лицу, у которого аффект возник в связи с правомерными действиями потерпевшего, что, на наш взгляд, может свидетельствовать о повышенной опасности личности преступника».³

С этим не согласна С.А. Манойлова: «В некоторых случаях в качестве смягчающего наказание обстоятельства следует учитывать особое эмоциональное состояние виновного (аффект) и без его сочетания с противоправным или аморальным поведением потерпевшего... В условиях психотравмирующей ситуации умысел возникает зачастую не под воздействием непосредственного (последнего во времени) повода, а значительно раньше – под воздействием состояния эмоциональной напряженности, относительно

¹ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. Постатейный / под ред. А.В. Бриллиантова. М.: Проспект, 2010. С. 312

² Ситковская, О.Д. Уголовный кодекс Российской Федерации: психологический комментарий (постатейный) / О.Д. Ситковская. М.: Зерцало, 1999. С. 57.

³ Дубовиченко, С.В. Интеллектуальные моменты умышленной формы вины: автореферат дисс. ... канд. юрид. наук / С.В. Дубовиченко. Тольятти, 2007. С. 7.

устойчивых отрицательных переживаний, вызванных повторяющимися противоправными или аморальными действиями потерпевшего».¹

Обобщение судебной практики Верховного Суда и Федеральных судов субъектов РФ также позволяет сделать вывод о ее неоднородности. Так в некоторых случаях суд констатирует аффектированный умысел, основываясь лишь на предшествующем противоправном поведении потерпевшего и иных объективных признаках деяния. А в других отрицает наличие состояния аффекта несмотря даже на соответствующее заключение эксперта.

Представляется, что, поскольку аффект – термин, заимствованный уголовным правом, то для правильного и однозначного его понимания следует обратиться к положениям современной психологии. В своей статье психиатры Ю.Б. Можгинский и Т.А. Андрианова приводят следующую схему влияния аффекта на агрессивное поведение: «Аффекты являются одним из факторов в процессе формирования агрессивного поведения. На каждом этапе формирования агрессивного поведения аффекты имеют свои клинические особенности.

Итак, «аффект – это эмоциональная патология, часто включающая как фазы агрессии, так и тоскливой депрессии, причем они могут переходить друг в друга в течение длительного времени. Агрессивное поведение, строго говоря, является проявлением, кульминацией аффективного расстройства. То есть преступление в состоянии аффекта может включать стадии осознанного приготовления и покушения. Следовательно, аффектированный умысел – это разновидность умысла (прямого и косвенного с поправкой на особое эмоциональное состояние) в агрессивном поведении при аффективных расстройствах. Подобное понимание аффектированного умысла соответствует его психологической сущности (в современной интерпретации) и позволяет установить четкие границы аффекта».²

¹Манойлова, С.А. Эмоции в уголовном праве: автореферат дисс. ... канд. юрид. наук / С.А. Манойлова. Казань, 2005. С. 12.

² Акимочкин, В.И. Указ. соч. С. 126.

Что же касается «внезапно возникшего сильного душевного волнения», то на наш взгляд, следует согласиться с В.В. Романовым и М.Н. Пановым, что термин этот является рудиментом нового кодекса, а скобки в фрагментах ст.107 и ст. 113 УК РФ не криминологическим решением законодателя, а попыткой совместить несовместимое.¹

Подводя итоги по изучению видов умысла и вопросов квалификации преступлений а зависимости от вида умысла, считаем необходимым определить ряд важных моментов.

Умыселпредставляет собой одну из форм вины. Определениемумышленной вины содержится в ст. 25 УК РФ.

Каждому из определенных в ст. 25 УК РФ видовумысла присущи интеллектуальный и волевой моменты.

Установлениевида умысла оченьважно для правильной квалификации преступления.

Законодательное делениеумысла на прямой и косвенныйимеет немалое практическоезначение. Строгое разграничениеобоих видов умысланеобходимо для правильного примененияряда уголовно-правовых институтов.

Помимо деления умысла на прямой и косвенный теориейуголовного права и судебнойпрактикой разработана в целяхправильной и обоснованной квалификациипреступлений его дифференциация на виды еще по двум основаниям: по временивозникновения и степени определенности.²

¹Романов, В.В., Панова, М.Н. Толкование понятия «аффект» при расследовании преступлений против жизни и здоровья: о серьезных последствиях терминологической путаницы / В.В. Романов, М.Н. Панова // Российская юстиция. 2008.№ 6.С. 7.

² Дубовиченко, С.В. Интеллектуальные моменты умышленной формы вины: автореферат дисс. ... канд. юрид. наук / С.В. Дубовиченко. Тольятти, 2007.С. 7.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги по изучению видов умысла и вопросов квалификации преступлений, а зависимости от вида умысла, считаем необходимым определить ряд важных моментов, которые мы также отразили в настоящей работе.

Умысел представляет собой одну из форм вины . Определение умышленной вины содержится в ст. 25 УК РФ, в которой указано , что преступление может быть совершено с прямым или с косвенным умыслом.

Каждому из определенных в ст. 25 УК РФ видов умысла присущи интеллектуальный и волевой момент. Интеллектуальных моментов два. Первый выражается в осознании лицом общественно опасного характера своего деяния, а второй в предвидении общественно опасных последствий. При этом важно отметить, что осознание общественной опасности деяния не тождественно осознанию его противоправности, т. е. запрещенности уголовным законом. Предвидение общественно опасных последствий входит в содержание умысла только при совершении преступлений с материальным составом.

Поскольку в преступлениях с формальным составом последствия не включены в объективную сторону, ни интеллектуальное, ни волевое отношение к ним в содержание умысла не входят.

Волевой момент прямого умысла состоит в желании наступления общественно опасных последствий, волевой момент косвенного умысла – в нежелании, но сознательном допущении этих последствий или безразличном отношении к ним. При этом важно отметить, что подчеркнутое законодателем отсутствие желания причинить вредные последствия означает лишь отсутствие прямой заинтересованности в их наступлении; его нельзя понимать как нежелание указанных последствий, стремление их избежать

(активноенежелание).

На самом деле сознательное допущение означает, что виновный вызывает своими действиями определенную цепь событий и сознательно, т. е. осмысленно, намеренно допускает развитие причинноследственной цепи, приводящее к наступлению общественно опасных последствий. Установление вида умысла очень важно для правильной квалификации преступления.

Умысел заранее обдуманый и умысел внезапно возникший имеют как уголовно-правовое, так и криминологическое значение.

Уголовно-правовое значение рассматриваемого деления умысла на виды заключается в том, что, во-первых, только при заранее обдуманном умысле могут быть стадия приготовления к преступлению, соучастие, выражающееся в совершении преступления по предварительному сговору группой лиц, организованной группой или преступным сообществом (преступной организацией), и, во-вторых, такая разновидность внезапно возникшего умысла, как аффектированный, признается отдельными уголовно-правовыми нормами привилегирующим обстоятельством.

Дифференциация умысла на определенный и неопределенный имеет значение для точной квалификации, прежде всего преступлений против личности. В первом случае в предвидении виновного точно конкретизирован преступный результат (общественно опасные последствия) его деяния, при простом определенном умысле предвидение охватывает только один преступный результат.

Альтернативный умысел характерен тем, что лицо предвидит наступление одного из нескольких индивидуально конкретизированных в его сознании преступных результатов (например, то, что нанесенный им удар ножом в живот может повлечь смерть или тяжкий вред здоровью).

Значение деления умысла на определенный и неопределенный состоит в следующем. В первом случае деяние квалифицируется по направленности умысла. Если причиняется преступный результат, неохватывавшийся

предвидением виновного, то содеянное квалифицируется как покушение на то преступление, последствия которого были отражены в таком предвидении.

При неопределенном умысле содеянное квалифицируется по фактически наступившему результату. Если видоизменить фабулу последнего примера и принять, что предвидением виновного охватывалось любое из последствий (причинение смерти или вреда здоровью различной тяжести), то следует прийти к другому выводу: он действовал с неопределенным умыслом и потому содеянное надлежит квалифицировать как оконченное преступление – причинение соответствующей тяжести вреда здоровью.

При покушении на преступление, с альтернативным умыслом содеянное квалифицируется как покушение на преступление, наименьшее по степени тяжести. В данной ситуации действует правило, согласно которому все сомнения, в том числе и в части квалификации деяния, толкуются в пользу виновного.

Определенный умысел, как простой, так и альтернативный, может быть только прямым.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

РАЗДЕЛ 1 НОРМАТИВНОПРАВОВЫЕ АКТЫ И ИНЫЕ ОФИЦИАЛЬНЫЕ АКТЫ

1. Уголовный кодекс РСФСР: утв. ВС РСФСР 27.10.1960 г. // Ведомости ВС РСФСР. Ст. 591
2. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 г. № 63ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
3. Постановление ВЦИК «О введении в действие Уголовного Кодекса РСФСР», редакции 1926 года: от 22.11.1926 // Ведомости ВС РСФСР. 1926. № 80. Ст. 600
4. Декрет СНК РСФСР «О набатном звоне» от 30.07.1918 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_332.htm.
5. Декрет ВЦИК, СНК РСФСР «О мерах борьбы с хищениями из государственных складов и должностными преступлениями, способствующими хищениям» от 01.06.1921 г. // СУ РСФСР. 1921. № 49. Ст. 262.
6. Декрет ВЦИК, СНК РСФСР «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния» от 18.12.1917 // СУ РСФСР. 1917. № 11. Ст. 160.
7. Декрет ВЦИК «Об изъятиях из общей подсудности в местностях, объявленных на военном положении» от 20.06.1919 г. // СУ РСФСР. 1919. № 27. Ст. 301.

РАЗДЕЛ 2 ЛИТЕРАТУРА

8. Акимочкин, В.И. Виды умысла и их влияние на квалификацию / В.И. Акимочкин, С.Ю. Кораблева // Бизнес в законе. 2012 № 2. С. 1-7
9. Алексеев, С.В. Структура субъективных признаков группового преступления / С.В. Алексеев // Российский юридический журнал. 2010 № 6. С. 105–120.
10. Векленко, С.В. Эволюция отечественного уголовного законодательства

о виновной ответственности / С.В. Векленко // Вестник Воронежского института МВД России. 2009. № 1. С. 15–20.

11. Векленко, С.В. Понятие, сущность, содержание и формы вины в уголовном праве / С.В. Векленко. Омск: Изд-во Омск. юрид. акад. МВД России, 2002. 462 с.

12. Векленко, С.В. Виновное вменение в уголовном праве: доктора юрид. наук / С.В. Векленко. Омск, 2003. С. 25; Памятники Русского права. Вып. 6 / под ред. С.В. Юшкова. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1986. 295 с.

13. Гурвич, И.Г. Косвенный умысел по советскому уголовному праву: автореферат дисс. ... канд. юрид. наук / И.Г. Гурвич М., 1951. 25 с.

14. Дагель, П.С. Содержание, форма и сущность вины в советском уголовном праве / П.С. Дагель // Правоведение. 1969. № 1. С. 75–90.

15. Дубовиченко, С.В. Интеллектуальные моменты умышленной формы вины. автореферат дисс. ... канд. юрид. наук / С.В. Дубовиченко. Тольятти, 2007. 48 с.

16. Злобин, Г.А. Умысел и его формы / Г.А. Злобин, Б.С. Никифоров. М.: Юрид. лит., 1972 г. 544 с.

17. Иванов, С.А. Понятие, основные характеристики и показатели вины в уголовном праве России / С.А. Иванов. Ставрополь: Ставропольсервисшкола, 2005. 312 с.

18. Классен, М.А. Дискуссионные вопросы умысла в уголовном праве России / М.А. Классен, В.В. Лалац // Проблемы права. 2012. № 7. С. 135–150.

19. Кораблева, С.Ю. Вина как уголовно-правовая категория ее влияние на квалификацию преступлений: дисс. ... канд. юрид. наук / С.Ю. Кораблева. М., 2013. 432 с.

20. Красиков, А.Н. Преступления против личности. Учебное пособие для студентов учебных заведений юридического профиля / А.Н. Красиков. Саратов: Издательство Саратов. ун-та., 1999. 440 с.

21. Лунеев В.В., Субъективное вменение / В.В. Лунеев. М.: Спарк, 2000. 162 с.

22. Магомедов, А.А. Уголовная ответственность и освобождение от нее: эволюция правовых воззрений и современности: дис. ... доктора юрид. наук / А.А. Магомедов. М., 1998. 543 с.

23. Настольная книга судьи по уголовным делам / под ред. А.И. Рарога. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2007. 523 с.
24. Памятники Русского права. Вып. 6 / под ред. С.В. Юшкова. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1986. 248 с.
25. Паньков, И.В. Основные теоретические характеристики вины в уголовном праве / И.В. Паньков // Известия РГПУ им. А.И. Герцена: Аспирантские тетради. 2008. № 28. С. 245–260.
26. Паньков, И.В. Теоретические аспекты умышленной вины по российскому уголовному праву / И.В. Паньков // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 65. С. 260–270.
27. Паньков, И.В. Концептуальная и логическая характеристика вины в уголовном праве / И.В. Паньков // Современное право. 2007. № 10. 55 с.
28. Паньков, И.В. Умышленная вина по российскому уголовному праву: дисс. ... канд. юрид. наук / И.В. Паньков. СПб., 2010. 473 с.
29. Рарог, А.И. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: Учебник / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, А.И. Рарога, А.И. Чучаева. М.: КОНТРАКТ, ИНФРА-М, 2009. 612 с.
30. Рогов, В.А. История уголовного права, террора и репрессий в Русском государстве XV–XVII века / В.А. Рогов. – М.: Юристъ, 1995. 288 с.
31. Утевский, Б.С. Вина в советском уголовном праве / Б.С. Утевский. М.: Госюриздат, 1950. 534 с.
32. Уголовное право России. Общая часть: Учебник / под ред. В.П. Ревина. М.: Юстицинформ, 2009. 532 с.
33. Уголовное право России. Часть Общая и Особенная: учебник / под ред. А.В. Бриллиантова. М.: Проспект, 2015. 1443 с.
34. Философский энциклопедический словарь / под ред. Л.Ф. Ильичева. М.: Советская энциклопедия, 1983. 513 с.
35. Якушин, В.А. Субъективное вменение и его значение в уголовном праве / В.А. Якушин. Тольятти: ТолПИ, 1998. 634 с.
36. Якушин, В.А. Проблемы субъективного вменения в уголовном праве:

автореферат дисс. ... докт. юрид. наук / В.А. Якушин.М., 1998. 591 с.

РАЗДЕЛ 3. ПОСТАНОВЛЕНИЯ ВЫСШИХ СУДЕБНЫХ ИНСТАНЦИЙ И СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА

37. Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» от 09.07.2013 г. № 24// Российская газета. 2013.17 июля.
38. Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» от 27.12.2002 № 29 // Российская газета. 2003.18 января.
39. Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» от 27.01.1999 № 1 // Российская газета. 2009. 9 февраля.
40. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 17.12.2008 № 37008 25// Архива Верховного суда РФ за 2008 г.
41. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 27 июня 2007 г.№ 33П07// Архив Верховного Суда РФ за 2007 г.
42. Постановление Президиума Верховного Суда РФ № 306–П05 //Бюллетень Верховного Суда.2005. № 12.
43. Определение Верховного Суда РФ от 11.10.2007 по делу № 30 007 18//Архив Верховного суда РФ за 2007 г.
44. Определение Верховного Суда РФ от 19.04.2007 г. № 66 о06 147//Архив Верховного Суда РФ за 2007 г.
45. Дело № 10 3993/2015// Архив Челябинского областного суда за 2015 г.
46. Дело № 10 3680/2015 //Архив Челябинского областного суда за 2015 г.
47. Дело № 10 6918/2015//Архив Челябинского областного суда за 2015 г.
48. Дело № 44у 106/2015//Архив Челябинского областного суда за 2015 г.
49. Дело № 10 5296/2015//Архив Челябинского областного суда за 2015 г.
50. Дело № 10 791/2015//Архив Челябинского областного суда за 2015 г.
51. Дело № 10 5648/2015//Архив Челябинского областного суда за 2015 г.
52. Дело № 44у 159/2014//Архив Челябинского областного суда за 2014 г.

53. Дело № 10 4652/2013//Архив Челябинского областного суда за 2013 г.
54. Дело № 10 6169/2013//Архив Челябинского областного суда за 2013 г.
55. Дело № 22 1568/2011//Архив Челябинского областного суда за 2011 г.
56. Дело № 1 1/2014//Архив Нязепетровске районного суда Челябинской области за 2015 г.
57. Дело № 2 9/2012//Архив Верховного Суда Карачаево–Черкесской республики за 2012 г.
58. Дело № 2 8/2012//Архив Приморского краевого суда за 2012 г.